

Сенсационный

Проект Игоря Оболенского

*Мемуары
фрейлины
императрицы*

Царская семья, Сталин, Берия, Черчилль и другие
В СЕМЕЙНЫХ ДНЕВНИКАХ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

**Мемуары фрейлины императрицы.
Царская семья, Сталин, Берия,
Черчилль и другие в семейных
дневниках трех поколений**

«АСТ»

2012

Мемуары фрейлины императрицы. Царская семья, Сталин, Берия, Черчилль и другие в семейных дневниках трех поколений / «АСТ», 2012

Эта книга – впервые публикуемые мемуары баронессы Мейендорф, фрейлины императрицы Марии Александровны и родственницы Столыпина. Увлекательнейшая, но поистине трагическая история начинается в XIX и заканчивается в середине XX века. Кругом общения баронессы был весь высший свет Российской империи – она танцевала на балу с императором Александром Вторым; дружила с Александром Третьим; присутствовала на последнем выступлении в Думе Николая Второго. Но после 1917 года все стало по-другому...Продолжаются воспоминания дневниками ее внуки и правнучки. Встречи с Николаем Вторым сменились вызовами на Лубянку...

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	8
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	43
Глава 12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игорь Оболенский

Мемуары фрейлины императрицы. Царская семья, Сталин, Берия, Черчилль и другие в семейных дневниках трех поколений

Предисловие

Мне всегда представлялась просто фигурой речи фраза «Можешь не писать – не пиши». В Тбилиси со мной произошел тот самый случай, когда я понял, что это не пустые слова. Не взяться за эту книгу я не мог.

Работа над ней началась всего год спустя после российско-грузинской войны 2008 года.

Тогда, в августе, всего через две недели после изменившей многое и многих даты 08.08.08, у меня родился сын. Это случилось в роддоме, расположенном всего в нескольких километрах от мест, где падали бомбы.

Но война ощущалась и в Тбилиси, где по вечерам стало принято выключать свет – на случай авиационного налета. И все это, напомним (в том числе и самому себе), происходило совсем недавно.

Прошло три года. Я много времени проводил в Грузии – благословенном краю, ставшем для меня поистине родным, – и за весь этот срок мне ни разу не пришлось испытать на себе не то что ненависти, но даже намек на чувство какого-то недружелюбия.

А когда я приезжал в Москву и рассказывал о том, с какими людьми познакомился в Тбилиси, тоже не чувствовал ничего, кроме искреннего интереса и сопереживания к героям моих грузинских историй.

Вообще, в Тбилиси я влюбился, когда мне было лет двенадцать. Летом я отдыхал в «Артеке» и познакомился с девочкой из Грузии.

Когда смена закончилась, на прощание она подарила мне открытку, на которой были изображены знаменитые тбилисские балконы. Как мне все это нравилось – и сама девочка Тамуна, и ее открытка с балконами. Тогда, наверное, у меня и родилось желание приехать в Грузию.

Моя детская, а потому самая искренняя мечта сбылась через много лет. Я уже работал журналистом. И свою любовь к Грузии, несмотря на то что грузинок мне больше не встречалось, перенес на все грузинское – фильмы, кухню, имена.

Первая столь долгожданная встреча состоялась в 2005 году. Отношения между Россией и Грузией на тот момент уже не были безоблачными. А потому в Москве меня просили быть осторожным во время поездки. Когда в Тбилиси я рассказал об этих предостережениях своих друзей актрисе Софико Чиаурели, к которой, собственно, и приехал в гости, она улыбнулась: «Не надо путать жизнь с фильмом “Кавказская пленница”».

И действительно, та поездка была прекрасной. Стояла нежная тбилисская осень, и я, бродя по улицам этого одного из самых красивых, о чем никогда не устану говорить, городов мира, чувствовал себя абсолютно счастливым.

Конечно же первым делом я отправился на поиски тех балконов, которые пленили меня уже в детстве. Открытки, увы, не сохранилось. Но картинка, изображенная на ней, так вреза-

лась в мою память, что когда я увидел те самые балконы (они оказались на домах в районе Колхозной площади), то испытал ощущение дежавю.

Но, к сожалению, наряду с радостными эмоциями мне пришлось пережить в тот раз и немало горьких минут.

Как-то я пришел в дом Софики. Она, как всегда, накрыла на стол. Едва мы приступили к обеду, как в прямом эфире телевизионных новостей начался репортаж из Беслана, где террористы захватили школу.

Это было, конечно, очень страшно, там было много жертв.

На следующий день на улице ко мне подходили незнакомые люди и выражали свое сочувствие по поводу этой трагедии.

И тогда я понял, что, что бы ни происходило, что бы ни говорили о взаимоотношениях России и Грузии, эти человеческие отношения – доброжелательные, искренние, теплые – все равно останутся. В тот момент я очень ярко осознал это для себя.

Улетать из Тбилиси было грустно. Тогда я еще не знал, что пройдет время и я приеду в Грузию уже как к себе домой.

Бодлер, кажется, сказал, что женщина – это приглашение к счастью. Первой женщиной, пригласившей меня в Тбилиси, стала Софики Чиаурели. А второй – тоже Софики, моя жена.

И вот я, всегда считавший себя москвичом, с гордостью могу назвать себя наполовину тбилисцем.

Странное ощущение: с одной стороны, я уже не чувствую себя здесь в гостях, для меня Грузия стала домом. Не вторым, как это принято говорить. А таким же родным и близким, как и Россия.

А с другой – каждый раз я буквально физически ощущаю азарт первооткрывателя, оказавшегося в новом месте, но среди друзей.

И в этом я не одинок. Нет, наверное, ни одного нормального русского, в чьей душе одно слово «Грузия» не вызывало бы приятного трепета.

Начавший свою певческую карьеру на сцене тифлисской Оперы Федор Шаляпин как-то сказал: «Для жизни я родился в Казани, а для творчества – в Тифлисе».

Под его словами мог бы подписаться и Максим Горький, чей первый рассказ был написан именно в Грузии.

И великий режиссер Всеволод Мейерхольд, чьи постановки шли на сцене театра имени Грибоедова.

Да и сам Грибоедов обожал эти края: именно в Тифлисе он писал «Горе от ума», а потом всерьез задумывался о том, чтобы навсегда поселиться в Грузии.

Список почитателей этой великой страны можно продолжать долго. В нем окажутся и Петр Чайковский, игравший в Тифлисе на скрипке; и Борис Пастернак, обретший здесь не только фактически вторую семью, но и укрытие во время пресловутого гонения из-за присуждения ему Нобелевской премии; и десятки других великих художников. И Грузия неизменно платила всем им взаимностью.

Я в Грузии тоже обрел семью. И не только.

Удивительные встречи, на которые оказалась столь щедра грузинская земля, подарили мне идею написать эту книгу.

Все началось с моего изучения грузинского языка. Уроки грузинского неожиданно стали для меня той школой жизни, прослушав курс которой я, кажется, стал другим человеком.

Взявшись за перевод на русский произведений поэта Галактиона Табидзе, я захотел перевести знаменитое стихотворение «Мери», которое в свое время перевела великая Белла Ахмадулина.

Я заинтересовался – о какой Мери писал поэт?

Мне рассказали, что речь идет о фрейлине последней российской императрицы Александры Федоровны, в эмиграции ставшей одной из любимых моделей Коко Шанель.

И дали телефон женщины, которая лично знала героиню стихотворения Табидзе.

Я набрал записанный номер и тут же получил приглашение в гости. Дело-то происходит в Грузии, как иначе.

И тут же столкнулся с еще одной грузинской традицией: почти у всех здесь два имени – официальное, данное при рождении, и второе, которое, собственно, и сопровождает человека всю жизнь.

Мою новую знакомую все звали Татули, хотя по паспорту она – Тамара. Ее мать, историю которой Татули поведала мне, называли Бабо, в то время как ее полное имя – Варвара.

Встреча с Татули Гвиниашвили стала одним из самых щедрых подарков, которые мне преподнесла Грузия.

Дочь княжны Бабо Дадиани прожила непростую, но очень яркую жизнь. И знала не только героиню стихотворения Табидзе.

Судьба Татули и ее семьи – это готовый сценарий для многосерийного фильма. Или достойная альтернатива учебнику по истории Российской империи, эмиграции и карательной машины, именовавшейся советской властью.

Рассказывая биографию своей семьи, Татули то и дело доставала хранящиеся в ее домашнем архиве фото, на которых были изображены бароны-баронессы и князья-княгини, о которых она говорила.

Оказалось, что все фотографии сумела собрать мать Татули – княжна Бабо Дадиани.

«Несмотря на четыре ссылки, которые ей пришлось пережить», – заметила моя собеседница.

Попросив с этого места рассказать поподробнее, я услышал воспоминания, не записать которые просто не мог.

Поначалу даже была идея написать роман. Но я, кажется, вовремя понял, что в художественном изложении история этой семьи будет выглядеть совсем уж невероятно. Тогда как все то, что вы сейчас прочтете, – абсолютная правда.

Я назвал эту книгу «Тифлисская сага», ибо всех действующих лиц объединил именно этот город: кто-то здесь родился, кто-то жил, а кому-то ради возвращения сюда пришлось заплатить очень высокую цену...

Начну по порядку, с прабабушки Татули – баронессы Мейендорф, урожденной княжны Шарвашидзе.

Часть первая

МЕМУАРЫ БАРОНЕССЫ

До замужества за бароном Мейендорфом княгиня Варвара (Бабо) Шарвашидзе была фрейлиной императрицы Марии Александровны и компаньонкой принцессы Евгении Ольденбургской, внучки императора Николая Первого и правнучки Жозефины Богарне, жены Наполеона.

О том, что она успела оставить мемуары, я узнал совершенно случайно.

Работа над книгой о судьбе знаменитой тифлисской красавицы княжны Бабо Дадияни уже подходила к концу.

Мы разбирали домашний архив Дадияни, когда ее дочь Татули обратила мое внимание на стопку пожелтевших от времени листов бумаги, собранных под красной клеенчатой обложкой.

«Баронесса Мейендорф, бабушка моей мамы, в честь которую ее и назвали Бабо, в конце жизни написала мемуары, – сказала Татули. – После смерти баронессы бумаги из Лондона перевезли в Париж, где жила моя тетка. А когда не стало и ее, я привезла рукопись в Тбилиси. Взгляните, может, вам будет интересно?»

Я взял уже чуть обветшавший то ли от времени, то ли от долгого путешествия фолиант из сотни с лишним отпечатанных на машинке листов, раскрыл наугад и попал аккурат на описание сцены бала, на котором автор мемуаров танцевала с императором Александром Вторым.

С позволения и благословения Татули Гвиниашвили, правнучки Бабо Мейендорф, я взялся за перевод воспоминаний на русский язык.

И понял, что стал обладателем настоящего клада: со страниц мемуаров передо мной предстала История.

Варвара, или Бабо, как ее называли, Шарвашидзе родилась 22 июля 1859 года в Лихнах в семье последнего владетельного князя Абхазии светлейшего князя Михаила Шарвашидзе.

Первое ее замужество оказалось неудачным. После развода Бабо из Кутаиси отправилась в Петербург. Была зима, и в один из дней друзья пригласили девушку на каток. Там ее внимание привлек статный молодой человек, искусно держащийся на коньках. Сама Бабо каталась не очень хорошо, и потому помощь незнакомца оказалась весьма кстати. Состоялось знакомство, завершившееся свадьбой.

Избранником грузинки стал барон Александр Мейендорф. Прибалтийский немец по национальности, по матери он был двоюродным братом Петра Столыпина, самого знаменитого премьер-министра России.

Барон, как и его кузен, активно занимался политикой. Был членом двух Государственных Дум и товарищем – то есть заместителем – председателя Четвертой Думы.

Жили супруги в основном в Петербурге.

Внук барона Феликса Мейендорфа со стороны отца и князя Михаила Горчакова, царского наместника в Польше, со стороны матери – муж Бабо был заметной фигурой в политической жизни Российской империи.

О нем часто писали газеты. Особенно много шума наделал вызов на дуэль, который Мейендорф послал князю Львову, будущему главе Временного правительства. Барона оскорбило обвинение князя в том, что он, будучи одним из первых лиц Государственной Думы, проводит агитацию в пользу политической партии октябристов, что на самом деле не соответствовало действительности.

Бабо Мейендорф вела жизнь петербургской гранд-дамы. На лето они с мужем перебирались в Крым, где в Феодосии у них была дача. По соседству с бароном одно время жил великий Константин Айвазовский, с которым дружил Мейендорф.

После большевистского переворота Мейендорфы переехали в Прибалтику, а затем в Англию. Барон преподавал в Лондонском университете, а баронесса работала над рукописью своих мемуаров, последнюю запись в которой сделала в июле 1934 года.

Бабо Мейендорф умерла в 1946 году. Барон пережил ее на восемнадцать лет и скончался в 1964 году.

Александру Мейендорфу было девяносто четыре года, когда он закончил работу по оформлению брошюры с мемуарами жены. На обложке поместил белый бумажный четырехугольник. На котором с трудом читаемым почерком, наползающими друг на друга буквами от руки написано: «Мемуары баронессы Варвары Мейендорф, урожденной княжны Шарвашидзе».

Перед тем как начать рассказ, хотелось бы определиться с тем, как правильно пишется фамилия главных героев, так как можно встретить две версии – ШАрвашидзе и ШЕрвашидзе.

«Правильно писать через букву “а”, – говорит Татули Гвиниашвили, правнучка Бабо Шарвашидзе. – По-грузински фамилия светлейших князей всегда писалась именно так. Это можно проследить и по подписям последнего владетеля Абхазии Михаила, и по визитным карточкам и письмам его сына, светлейшего князя Георгия Михайловича.

Моя мама, например, которая была внучкой светлейшего князя, всегда очень строго к этому относилась. Когда она из Парижа получала письма от Мери Шарвашидзе, знаменитой красавицы и музы Галактиона Табидзе, то неизменно обращала внимание Мери на то, что она неверно пишет свою фамилию. Мери подписывалась, как “Шервашидзе”».

На русском языке эту фамилию часто именно так и пишут. Это не самая страшная ошибка, конечно. Но если следовать правде, то все-таки следует употреблять букву «а»...

* * * * *

**Велвин Гарден Сити, 42,
Хай Оак, 1929 год**

Глава 1

Сегодня, когда я уже десять лет живу в одной из самых цивилизованных стран мира, даже странно подумать, что я родилась в Абхазии.

И что моя семья со стороны отца всего пару поколений назад была мусульманской. Хотя их предки были православными.

Одно из четырех княжеств Транскавказии, Абхазия, перед тем, как попасть под влияние Турции, много веков было объединено с православной Грузией¹.

Женитьба на моей матери, княжне Дадияни из Мигрелии, чьи предки были христианами с IV века, конечно же изменила взгляды моего родителя.

Я родилась на Кавказе, в Лихнах, в Абхазии – в стране, которой владел мой отец. Территория Абхазии простирается на 150 верст вдоль юго-восточного побережья Черного моря, от крепости Гагры до порта Поты. Природа одарила мою родную землю всей своей красотой: лесными долинами и холмами, горными реками и снежными вершинами. По климату она схожа с Французской Ривьерой, апельсиновые деревья растут там прямо на открытом воздухе.

Столица Абхазии Сухуми великолепно расположена в бухте, которая имеет много общего с бухтой Неаполя. К востоку располагается живописный монастырь Новый Афон, названный так, чтобы его можно было отличить от монастыря на горе Афон в Македонии.

Основателем Нового Афона стал монах с горы Афон, который по приказу своего духовного отца взял столько золота, сколько мог унести, добрался до Кавказа и в месте, где жили и умерли святой Симон Кананит и святой Андрей, построил монастырь. Могилу святого Симона и сегодня показывают посетителям. Предание гласит, что наш Господь тоже посещал это место, где произнес проповедь, запись которой хранится в монастыре.

Возвращаясь к моему детству. Я была самой младшей из семерых детей: троих мальчиков и четырех девочек. Моя мама была очень красивой. Но я ее едва помню, так как она умерла, когда мне исполнилось три года. Она была самой младшей из двадцати четырех детей у своих родителей.

Мне рассказывали, что моя мать была очень набожной. Даже когда они с отцом ездили на отдых в Карлсбад, их сопровождал священник.

Иногда на ее поступки оказывали влияние сны. Так, однажды во сне к ней явилась Дева Мария и сказала, что оставила свое веретено в церкви в Моквах. Тогда эта церковь находилась в плохом состоянии и была почти разрушена. Мама сказала, что если она правильно поняла свой сон, то найдет в этой церкви веретено. А затем восстановит храм.

Веретено действительно было найдено, и церковь восстановили. Правда, моя мама умерла до того, как все работы были закончены. Ее похоронили в этой церкви.

Спустя какое-то время мой отец переходил вброд речку Моква возле той самой церкви и нашел на дне икону святого Георгия², побеждающего дракона.

Мой отец был намного старше моей матери. Перед тем, как встретить ее, он был помолвлен на другой княжне из рода Дадияни. Но помолвка с той дамой была резко разорвана.

Причиной стало отношение родителей девушки к ее жениху. Тот, будучи натурой довольно импульсивной и горячей, отправился навестить родственников своей невесты, взяв для них много подарков. Но прием, который ему оказали, был вовсе не таким теплым и ласковым, какого он ожидал и на который, как ему казалось, имел право.

Отец тут же развернулся, покинул дом Дадияни и вернулся в Абхазию.

---

¹ Святая Нина принесла христианство в Грузию в IV веке. – *Прим. авт.*

² Святой Георгий – духовный покровитель Грузии. – *Прим. авт.*

Вскоре после этого он встретил мою мать, княжну Александру Дадиани, очень милую девушку. Их встреча состоялась в доме ее тетки, княгини Кессарии Шервашидзе. Отец тут же влюбился в маму и очень скоро стал ее мужем.

Сегодня я – единственный член нашей семьи, который еще жив.

Одно из моих детских воспоминаний связано с Очамчири, маленьким абхазским городком в 24 верстах от порта Поти.

Там я жила у своей молочной матери. Ее дом был построен из дерева и стоял на каменном фундаменте, который поднимался на несколько футов от земли. На балкон, окружавший первый этаж, вела лестница. По ней можно было попасть в жилые помещения. Обстановка была самой простой и состояла в основном из низких деревянных диванов. Они были покрыты красивыми дорогими коврами, на которых лежали подушечки, обтянутые полосатым бархатом с шелковыми кистями. Ночью эти диваны выполняли функцию кроватей.

Помню, я заболела, и меня уложили в гамак, подвешенный к потолку. Кормили меня из серебряной чашечки, которая интересовала меня куда больше, чем то, что в ней находилось.

Моя молочная мать, бывшая мусульманкой, дала клятву, что, если я поправлюсь, она примет православие. Когда я выздоровела, женщина сдержала свое слово.

Традиции поручать детей заботам молочных матерей часто преследовали идею воспитать у малышей добрые отношения с другими семьями. И очень часто связи между молочными родителями и их воспитанниками были гораздо крепче, чем между кровными родственниками.

Сыновья моей молочной матери, княгини Анчабадзе, имели самое непосредственное отношение к организации беспорядков в Абхазии. Это и стало главной причиной, по которой отец отдал меня на воспитание именно в эту семью.

Между нами сложились такие отношения, что, когда я вернулась на родину после тридцати пяти лет вынужденного отсутствия, мои молочные родственники встретили меня как самую дорогую родню.

Моей молочной матери, когда я совсем крохой поступила к ней, было уже за шестьдесят. Я очень полюбила эту женщину. И навсегда запомнила ее глаза, которые мгновенно приобретали теплоту и нежность, едва видели меня.

Кормилица очень переживала, что, когда я вырасту, многие будут мне завидовать.

Самым частым занятием, за которым я ее запомнила, была молитва.

Дочь моей молочной матери ухаживала за мной, пока я не начала бегать.

У меня до сих пор во рту вкус молока из груди моей няни, который не сравнится ни с какими сливками с медом.

Забота обо мне была поистине великой. Когда во время переезда из зимней квартиры на летнюю мы сделали привал, то мужчина, переносивший мою люльку, сам лег на влажную землю, а колыбель поставил себе на грудь.

Глава 2

Во времена моего прадедушки, Келиш-бея Шервашидзе, Абхазия находилась под властью Турции.

Подозревая, однако, что Келиш-бей склоняется в сторону России и намеревается именно ей отдать свою лояльность, Порта решила избавиться от него.

Исполнитель был найден в самом семействе, им стал старший сын прадеда Аслан-бей, который никогда не испытывал благосклонности к своему отцу. И Келиш-бей был убит.

Но отцеубийца не унаследовал трон, так как Келиш-бей, как оказалось, сделал своим наследником младшего и любимого сына – Сафар-бея³.

Новый правитель Абхазии – Сафар-бей – был женат на княжне Дадияни Мингрельской, чья страна уже находилась под властью России. Пребывая под влиянием жены и ее братьев, Сафар-бей решил выйти из-под турецкого владычества и обратиться за помощью к России.

За его признание верховной власти России и обращение в православие Сафар-бей получил в награду от императора Александра Первого титул владетельного князя Абхазии и гарантии править своей страной столько, сколько династия Романовых будет находиться на троне.

В 1864 году этот священный обет был нарушен – моего отца выслали в России, а Абхазия была аннексирована Россией.

С обращением из мусульманства в православие Сафар-бей стал Георгием Шервашидзе.

После смерти Георгия трон занял его старший сын Дмитрий. Но Дмитрий прожил недолго, а после него правителем и владетельным князем Абхазии стал мой отец Михаил.

Отец тогда находился в Пажеском корпусе в Петербурге и был фактически заложником. После смерти брата он немедленно получил офицерское звание и назначение в знаменитый Преображенский полк и стал генерал-адъютантом императора Николая Первого.

Когда родился мой старший брат, он сразу же был зачислен в Преображенский полк. Это была большая честь, которая оказывалась лишь детям императорской семьи.

Вскоре командование полка, не понимая, что князь Георгий Шервашидзе еще совсем младенец, отправило письмо князю Воронцову, наместнику на Кавказе, с пожеланием, чтобы новый офицер присоединился к полку.

На что князь Воронцов⁴ ответил, что если князь Георгий и примет приглашение, то прибудет в сопровождении кормилицы.

Мой отец был выслан из страны, когда наместником был великий князь Михаил Николаевич⁵, младший брат Александра Второго.

Я не могу точно сказать, имел ли отец влияние на горские племена, жившие по соседству. Но после того как эти племена признали своей верховной властью Россию и попали к ней в зависимость, правитель Абхазии России стал не нужен.

Официальным поводом для устранения отца – как это было преподнесено русским правительством и как мне много лет спустя говорил князь Мирский (отец Д. С. Мирского), бывший военный советник наместника на Кавказе, – стал рапорт, полученный от графа Игнатьева,

---

³ Третий сын Келиш-бея и мой дедушка. – Прим. авт.

⁴ Михаил Семенович Воронцов – генерал-фельдмаршал, в 1844–1854 годах – наместник царя на Кавказе. Во время военной кампании 1812 года сражался под началом Багратиона. Во время губернаторства в Одессе и в Крыму совершил множество дел во славу Отечества, за что был пожалован титулами графа и светлейшего князя. Во время губернаторства в Кишиневе становился героем эпиграмм Пушкина, находившегося в тех краях в ссылке и имевшего роман с женой Воронцова. Среди солдат пользовался большой популярностью. После его смерти в 1856 году родилась поговорка: «До Бога высоко, до царя далеко, а Воронцов умер». – Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, прим. перев.

⁵ Великий князь Михаил Николаевич, четвертый сын императора Николая Первого, родной брат императора Александра Второго. Назначен наместником на Кавказе 6 декабря 1862 года. Оставил должность наместника 23 июля 1881 года.

русского посланника в Константинополе. В нем он писал о том, что правитель Абхазии задумал нанять корабли и вывезти на них в Турцию свою семью и все имущество.

О репутации посла можно судить по его прозвищу Ментир-паша (обманщик). И его рапорт, скорее всего, был встречен с недоверием. Но на сей раз им воспользовались, так как он давал необходимое основание для избавления от законного правителя столь желанного региона.

О реальных обстоятельствах высылки моего отца русским правительством я случайно услышала через тридцать лет, когда возвращалась в Сухуми, столицу моей родины, на том же корабле «Юнона», который когда-то увез отца и его свиту.

Капитан, рассказывавший историю своим друзьям, вряд ли догадывался, что ее может услышать и дочь высланного владетеля.

Оказалось, что мой отец получил письмо от наместника на Кавказе, в котором тот приглашал его поохотиться на диких уток в Караиси. Отцу предоставлялась свита из восьми человек с охотничьими собаками, которые ожидали его на корабле «Юнона», всегда стоявшем в бухте и находившемся в полном распоряжении владетельного князя.

Отец принял приглашение и поднялся на борт. Но вместо того чтобы идти на юг, корабль взял курс на север. Отец спросил у эмиссара наместника полковника Шатилова, который находился на корабле и сопровождал их, что означают подобные вещи.

Оказалось, что это именно Шатилов отдал капитану приказ изменить маршрут и вместо Караиси идти в Ростов. По пути была сделана остановка в Керчи. Там вся свита сошла на берег, а мой отец продолжил плавание, сопровождаемый только небольшим количеством слуг и священником.

Вскоре после отъезда отца моя молочная мать отправилась вместе со мной в Ростов, где мы обнаружили и моего второго брата, прибывшего туда вместе со своими молочными братьями.

Мне кажется, я до сих пор слышу звук, который тогда приняла за смех, но который оказался горьким рыданием, доносящимся из комнаты брата. Ему предстояло попрощаться со своими молочными братьями.

Через несколько дней через это же пришлось пройти и мне и тоже расстаться со своей молочной матерью. Только я свое горе, в отличие от большинства детей, переносила молча.

В Ростове мы узнали, что моему отцу приказано следовать в Воронеж. Эту часть поездки мы проделали в экипажах. Однажды, пока меняли лошадей, наш священник решил воспользоваться возможностью и отслужить молебен. Который, с сожалением должна признаться, младшими членами семьи и двумя кузенами, которые присоединились к нам в Ростове, был воспринят как увеселение, а не серьезная церемония.

В Воронеже нас привезли к большому дому, который был нанят правительством для нашей семьи. В этом доме нам и надлежало устраивать свою жизнь. То, что нам никогда больше не позволят вернуться в Абхазию, стало уже очевидно.

Отец был занят нашим образованием. В этом ему помогала тетка, которая со своими двумя детьми присоединилась к нам в Ростове. Эту женщину (ее звали Данлуа) отец в свое время отказывался даже видеть. Она была дочерью французской воспитательницы моего старшего брата. Мой дядя Константин влюбился в нее и женился, не спросив разрешения у моего отца. В Воронеж тетку сопровождали ее родители, а муж приехать не осмелился⁶.

---

⁶ Сын Константина и француженки, князь Александр Шарвашидзе – соответственно, кузен Бабо – стал известным художником, главным декоратором Петроградских театров. После большевистского переворота эмигрировал за границу, где работал вместе с Сергеем Дягилевым. Одна из самых известных работ Шарвашидзе – роспись занавеса к балету «Голубой поезд», которой восхищались Пабло Пикассо и Коко Шанель. Прожил 101 год и умер в 1968 году в Монако. О судьбе Александра Шарвашидзе – в приложении № 1.

Я и брат Михаил находились под ее опекой. Первое, что она сделала, – это передела меня в европейское платье с короткими рукавами и глубоким вырезом на груди. В таком наряде я была представлена отцу, который до этого видел меня только в традиционном абхазском одеянии – длинном платье с высоким горлом и затянутым в талии, со скрывавшим волосы платком на голове.

Негодование отца не было предела. Он немедленно потребовал, чтобы я снова надела одежду, в которой ходили маленькие девочки и взрослые женщины его страны.

Моя тетка была способной пианисткой. Я всегда с восхищением слушала, как она играет Schulhoff's waltz, и однажды, когда она вышла из комнаты, сама села за рояль и начала копировать движения тетки, ударяя по клавишам.

Удивленные раздавшимся грохотом, со всего дома сбежались слуги и стали подглядывать в дверь. Когда они увидели, что этот шум производит их маленькая «черная» княжна, то притворились, будто моя игра прекрасна и они в восхищении.

У меня был хороший слух не только к музыке, но и ко всем звукам, которые я слышала. Когда маркиз де Траверсе, бывший офицер Нижегородского полка, ставший учителем моего младшего брата, давал ему уроки французской грамматики, я обычно подслушивала. Когда они спрягали глаголы и произносили новые слова я, как попугай, повторяла за ними.

Я на всю жизнь запомнила уроки моего брата. Позже, когда стала учиться в «институте» (государственной школе для девочек) в Тифлисе и пришла на урок Закона Божьего, то поразила всех окружающих, в том числе и саму себя, когда обнаружилось, что я прекрасно знакома с предметом. Все это конечно же я услышала во время уроков брата и подсознательно запомнила.

Через два года после нашего переезда в Воронеж, в 1866 году, мой отец заболел и вскоре умер. Когда он осознал всю серьезность болезни, то написал великому князю Михаилу Николаевичу, наместнику на Кавказе, находившемуся тогда в Петербурге.

Отец просил позволить моему старшему брату, бывшему адъютантом великого князя, прибыть в Воронеж. Разрешение было дано, и Георгий выехал из Петербурга. Но на полпути остановился и вернулся обратно. Надо ли говорить, что причиной такого поведения стала дама.

Когда великий князь узнал, что Георгий вернулся в Петербург, он приказал ему снова выехать в Воронеж. И на сей раз приставил к нему адъютанта, который должен был проследить, чтобы Георгий доехал-таки до Воронежа.

Мой отец всегда был очень строг со своим старшим сыном, а потому Георгий очень боялся отца. Что произошло во время их встречи, неизвестно. Но мы, дети, видели, каким грустным брат вышел из комнаты больного.

Заупокойная служба состоялась в монастыре Святого Митрофана. Стоял прекрасный день, и я навсегда запомнила белую церковь с голубыми куполами и золотыми звездами на них, блестящими и переливавшимися на солнце. Это была знаменитая церковь, в которой покоились останки святого Митрофана.

Тридцать два года спустя я проезжала через Воронеж по дороге к принцам Ольденбургским. Монастырь и церковь были такими же, какими я их запомнила в детстве. Вот только дом, в котором мы жили, был переделан и в нем теперь располагался Красный Крест. А на верхнем этаже была устроена церковь.

Мы получили разрешение похоронить отца в Абхазии. Абхазы так не доверяли русским, что потребовали, чтобы гроб был открыт, дабы они могли убедиться, что их не обманывают и в нем действительно покоится тело правителя их страны.

К сожалению, несколько дней спустя в Лихнах абхазами был убит русский уполномоченный Коньяр. Народ требовал его присутствия в Лихнах. Мой старший брат советовал ему не ездить, но тот все-таки поехал.

Местные жители ворвались в дом, где он остановился, и, обнаружив уполномоченного, пытавшегося спрятаться в камине, убили. Затем они взяли в заложники моего брата, который был офицером русской армии.

Обо всем этом Георгий написал князю Мирскому⁷, советнику военного начальника при наместнике, и объяснил, как все происходило на самом деле. Письмо он передал со своим молочным братом. Нет сомнения, что князь Мирский получил письмо, но он не обратил на него никакого внимания.

Так как помощь от русских из Тифлиса все не приходила, молочный брат Георгия сам пошел ему на выручку и помог бежать. Брат напрямик отправился в Тифлис к наместнику. Но великий князь принял его довольно холодно, заметив, что предпочел бы увидеть Георгия мертвым, а не живым. Стало ясно, что великого князя Михаила Николаевича убедили, что мой брат был причастен к убийству Коньяра.

Наместник первым делом лишил моего брата должности адъютанта, а потом и вовсе распорядился выслать в Оренбург простым офицером. Там брат прожил шесть лет, которые провел в компании молодых людей из знатных семей, тоже высланных за пустяковые преступления⁸.

Все шесть лет, что Георгий находился в Оренбурге, я училась в «институте» для девочек из знатных семей Тифлиса. И не получала вестей ни о нем, ни от него.

Потом стали известны обстоятельства убийства Коньяра. Оказалось, что народ хотел убить не его, а некоего Чернова. Этот Чернов вызвал ненависть абхазов из-за своей привычки подшучивать над местными женщинами.

Для абхазов характерна излишняя ревность, с которой они оберегают репутацию своих женщин. Одной из их традиций является запрет для женщины находиться в одной комнате с мужем, если там присутствует незнакомец. А на людях у супругов считается недопустимым даже просто смотреть друг на друга.

---

⁷ Князь Дмитрий Святополк-Мирский – генерал, участник Крымской и Кавказской кампаний, принимал участие в боях против Шамиля и Хаджи-Мурата, с 1875 года назначен помощником великого князя Михаила Николаевича, был женат на княжне Орбелиани. Умер 18 января 1899 года в Ницце.

⁸ Георгий Шарвашидзе описал обстоятельства ссылки в Оренбург, которая была связана с восстанием абхазов 1866 года, провозгласивших сына бывшего владельца страны своим предводителем, в статье «Так пишется история», опубликованной в газете «Закавказье» в 1910 году. Недовольство абхазов было вызвано проведением реформы Александра Второго по отмене крепостного права, которого Абхазия никогда на самом деле не знала. «В абхазах совершенно отсутствует чувство поддоби-страстности, и они ненавидят всякого, кто к ним относится надменно и свысока, – писал светлейший князь. – Участковый начальник, некто Измайло (убитый во время бунта), требовал на сходе, чтобы ему отвечали, снимая шапку. Один из присутствовавших, по фамилии Микамба, ответил, что «мы шапки снимаем только в церкви, а святого Измайло мы еще не знаем». За дерзкий ответ он был арестован и сидел в Сухумской крепости несколько месяцев. Подобные столкновения вызывали в народе глухой ропот и недовольство... В такую пору был объявлен манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости... Тут совершилось нечто окончательно невообразимое. Чиновники и ближайшее начальство, которым было поручено введение реформы, не потрудились даже изучить условия сословных отношений страны. Дело в том, что в Абхазии не существовало де-факто крепостной зависимости. Безземельные крестьяне арендовали землю у помещиков на податных условиях. Условия заключались словесные, при двух свидетелях, бессрочно. Срок не мог быть определен потому, что это зависело от арендатора, который в любое время мог покинуть эту местность и перейти к другому помещику... Народ не мог понять, от кого и от чего его освобождают. Почему помещикам платят по 25 руб. за них. Явились выборные к начальнику, к тому самому Измайло, о котором выше сказано, и спрашивают, как и что. – Освобождают вас, бараны, от тех, кому вы принадлежите, которые могли завтра вас связать и продать, – говорит начальник. – Вам сказали неправду, господин начальник, нас продать никто не может, и мы никому не принадлежим, кроме Бога и царя; но зачем царь нас покупает, когда и без того мы его народ. Прежде у нас был хозяином наш владетель, а теперь хозяин наш царь, больше мы никого не знаем, и никто продавать нас не смеет. Спросите сами у наших князей, они сами вам скажут, что мы не рабы ихние, а друзья и мы не хотим от них отлучаться; так у нас испокон ведется. Такая речь была высказана в очень приподнятом тоне, и, пока переводчик переводил начальнику, не дождавшись конца, толпа разбрелась в раздраженном настроении...» В итоге и вспыхнул бунт, в результате которого был убит полковник Коньяр. Газета «Закавказье» (№ 125 за 1910 год) подробно писала об этом.

Глава 3

После смерти моего отца начались долгие споры с русским правительством о том, как распорядиться его собственностью и имениями.

Чиновникам оказалось сложно разобраться, что именно принадлежало самому отцу, а что являлось собственностью государства. В итоге пришли к соглашению, что мой старший брат Георгий станет получать 8 тысяч рублей в год, Михаил, мой второй брат, 7 тысяч рублей.

Я получала 3 тысячи рублей, а наш двоюродный брат Георгий Дмитриевич – 6 тысяч рублей.

Георгий Дмитриевич был внуком Хасан-бея, второго сына Келиш-бея, которого обошли вниманием в пользу его младшего брата, Сафар-бея. Одно время Хасан-бей был причиной беспорядков в Абхазии. Оставаясь мусульманином, он симпатизировал Турции. Из-за его неприимого отношения к России его даже выслали на время в Сибирь⁹.

После смерти моего отца и ссылки брата Георгия в Оренбург никому из нашей семьи не позволялось вернуться в Абхазию. Когда одна из моих сестер заболела туберкулезом, врачи сказали, что единственный способ спасти ее жизнь – вернуться в привычный климат. Но такого разрешения дано не было, несмотря на ходатайство жены адмирала Глазенапа перед великим князем Михаилом.

Адмирал Глазенап¹⁰ был в то время командующим Черноморским флотом.

Обычно он жил в Николаеве, но на лето вместе с семьей перебирался в Крым, где останавливался в Ореанде.

Великий князь Михаил тоже проводил время в Ореанде. Между двумя мужчинами была большая дружба. Великий князь даже попросил адмирала, никогда не знавшего моего отца, чтобы он позаботился о моем младшем брате Михаиле. В тот момент мой брат Михаил находился в Ореанде вместе с Глазенапами.

И несмотря на все это, великий князь остался непреклонным в ситуации с моей сестрой и не дал разрешение на ее выезд в Абхазию. Через несколько месяцев она умерла в Пятигорске.

В то время я еще училась в «институте»¹¹ в Тифлисе. И так как никто со мной не говорил о моей родине (очевидно, желая, чтобы я совсем забыла о ней), то я решила, что моя страна находится так далеко, что туда почти невозможно добраться.

Моя сестра Тамара вышла замуж за князя Дадияни, когда я была еще совсем маленькой. Супруги жили в городе Сенаки в Мегрелии. Свою сестру первый раз я увидела, только когда мне исполнился 21 год. А ее муж приходил ко мне в школу. Их сын сейчас живет как беженец в Париже. Его дети останавливались у нас в Англии¹².

В школе чрезмерная забота со стороны классной дамы приводила к тому, что я еще больше чувствовала свое одиночество. Так, эта женщина считала своим долгом постоянно указывать ученицам на мое превосходство перед ними. Она говорила, что в будущем я, возможно, даже не соблаговолю поздороваться с ними при встрече.

Как-то вместе с одноклассницей мы несли глобус, который упал и разбился. Когда я призналась, что это произошло по моей вине, классная дама не поверила. Она сказала, что этого

---

⁹ Князь Георгий Дмитриевич Шарвашидзе был генерал-губернатором Тифлиса. После смерти императора Александра Третьего стал главой канцелярии вдовствующей императрицы Марии Федоровны и, по некоторым сведениям, ее морганатическим супругом. О судьбе князя – в приложении № 2.

¹⁰ Адмирал Богдан Александрович фон Глазенап родился в 1811 году. Флигель-адъютант императора, в 1860–1869 годах – главный командир Черноморского флота. С 1871 – член Адмиралтейств-совета. Умер 22 ноября 1892 года в Висбадене.

¹¹ Речь идет о Закавказском институте благородных девиц.

¹² Речь идет о князе Коки Дадияни – отце Бабо Дадияни и, соответственно, дедушке Татули Гвишиашивили.

не может быть и я просто взяла вину на себя, а на самом деле во всем виновата другая девочка. Ведь я родилась в такой «знатной семье»!

У меня хватило смелости ответить, что добро, которого классная дама желает мне, на самом деле приносит мне лишь несчастье и приводит к тому, что одноклассники дразнят меня. Каждый вечер девочки строем подходили ко мне и насмешливо приседали в реверансе со словами: «Спокойной ночи!»

Проведя шесть лет в «институте», я достигла возраста четырнадцати лет. По приказу великого князя Михаила меня отправили к княгине Гагариной, урожденной Орбелиани, в Ялту, в Крым. Имение ее называлось Кучук Ламбат. Княгиня была вдовой человека, убитого сванским князем Дадешкелиани на дуэли из-за политических разногласий.

До этого я никогда не встречалась с княгиней. В Ялту меня доставили под присмотром директрисы института мадам Жульчинской.

Забавное совпадение имело место, когда я прибыла в Крым. Мой брат Георгий направлялся в Тифлис, и наши корабли пришли в Ялту одновременно.

Кузен княгини Гагариной князь Орбелиани прибыл из Одессы на корабле вместе с Георгием. Увидев меня, он сказал: «Ваш брат находится на другом корабле. Он помолвлен и едет в Тифлис, чтобы все устроить и подыскать дом, где будет жить с женой».

Княгиня Гагарина тут же посадила меня в маленькую лодку, и мы поплыли к пароходу, на котором находился Георгий. Вместе с нами в лодку сел и князь Орбелиани. Когда мы причалили, мой брат узнал князя Орбелиани и закричал ему: «Видел ли ты княгиню Гагарину?» Тот ответил: «Видел, вот она сидит в лодке. Она привезла к тебе твою сестру».

Через несколько месяцев, на протяжении которых я находилась у княгини Гагариной, мой только что женившийся брат написал мне письмо. В нем он предложил приехать в Петербург, где у него был дом, и поселиться с ним и его женой.

Мне, к сожалению, пришлось ответить, что я не могу принять приглашение, не спросив разрешения у великого князя. Это конечно же было невежливо. Но я не могла поступить иначе.

Вскоре вместе с княгиней Гагариной мы поехали в Тифлис, где провели зиму 1874 года. В 1875 году мы вернулись в Ялту и тогда – наконец! – мне было позволено поехать к моему брату и его жене в Петербург.

Мой второй брат Михаил приехал проводить меня. Я не видела его семь лет. Все это время он находился в Николаеве, и мы не имели права встретиться друг с другом.

На Николаевском вокзале Петербурга нас встречали мадам Глазенап и Георгий с женой. Моя невестка была очень милой, с зелеными-зелеными глазами. Я запомнила ее шляпку «Бертран»¹³, которая потрясла меня своей необычностью.

Мой брат был в гражданской одежде, так как после женитьбы вышел в отставку.

Кажется, во время пребывания брата в ссылке в Оренбурге командующим там был генерал Коцебу. Генерал до этого служил на Кавказе и знал нашего отца. Поэтому он очень сердечно принял Георгия и зачислил его в свой штаб, где брат и оставался до самой женитьбы.

Брат познакомился со своей женой в Одессе в доме ее родителей, Андреевских¹⁴.

Андреевские были очень гостеприимными людьми, и вся грузинская молодежь Одессы, среди которой было много студентов университета, посещала их дом.

---

¹³ В то время Бертран была самой популярной модисткой Петербурга. – Прим. авт.

¹⁴ Глава семейства Эраст Андреевский был лечащим врачом высших сановников Российской империи, среди его пациентов были светлейший князь Воронцов. Андреевский был довольно состоятельным человеком, владел поместьями на Урале, в Грузии и в Бессарабии. Среди прочего Андреевский известен и тем, что стал одним из первых, кто написал статью на смерть Михаила Лермонтова. Был женат на княжне Тумановой, через которую состоял в родстве с князьями Орбелиани. Умер в 1872 году.

У Андреевских было две дочери. Младшая, Эло, очень красивая девушка, пользовалась большим успехом у всех молодых мужчин. Мой брат Георгий, тоже очень приятный внешне и к тому же очень остроумный, стал тем, на кого пал ее выбор. В 1873 году состоялась их свадьба.

У молодых было много общего. Эло сочиняла очаровательные истории. Правда, несмотря на свое чувство юмора, она не была хорошим рассказчиком.

Георгий же не знал себе равных ни в беседе, ни в остроумии. На протяжении всей своей жизни он довольно успешно занимался литературой, работая над историческими драмами, комедиями и лирическими стихами.

Самая известная его работа на грузинском языке – «Исчезающие виды». Хотя с литературной точки зрения самой важной является драма «Георгий Третий».

С Николаевского вокзала мы все отправились в Петергоф, где у моего брата и его жены была маленькая дача. Они жили очень тихо и размеренно.

Моя невестка настояла на том, чтобы я распустила волосы, отказавшись от прически, и носила простое хлопковое платье. Это показалось мне странным, так как в свои 14 лет я уже выезжала в свет и бывала на придворном балу в Тифлисе. Поэтому не могу сказать, что пришла в восторг от пожеланий невестки. Но, в конце концов, они теперь были для меня главными, и мне пришлось подчиниться.

Нашим излюбленным развлечением во время жизни в Петергофе были походы на концерты, которые давали придворный или военный оркестры.

Мой брат Михаил, который теперь был кадетом Николаевской кавалеристской школы, приходил навестить нас. Он очень хотел поступить в университет. Но великий князь Михаил Николаевич не дал на это своего согласия, так как в то время сыновья дворян очень редко учились в университете.

Зимой великая княгиня Мария Александровна, единственная дочь Александра Второго, вышла замуж за герцога Эдинбургского. Но моя невестка, не желая посещать торжества, связанные с этим событием, отказывалась даже просто поехать в Петербург.

В тот редкий день, когда она отправилась в театр, из партера ее увидал двоюродный брат, Михаил Аркадьевич Андреевский, профессор математики Варшавского университета. Он зашел в ложу, где она сидела, и спросил, не кузина ли Эло Андреевская перед ним? Получив утвердительный ответ, он пригласил ее вместе со всей семьей в Варшаву.

Таким образом, мы с ней поехали в Варшаву, где поселились в отеле на Медовой улице. Георгий в тот раз не смог составить нам компанию и остался в Петербурге.

Глава 4

Елена (Эло) и я были очень счастливы в Варшаве. У нас завязались дружеские отношения с нашими соседями, которые жили в трех четвертях часа езды от нас, – фельдмаршалом Александром Барятинским и его женой.

Это был тот самый Барятинский¹⁵, который взял в плен знаменитого Шамиля – имама Чечни и Дагестана, гражданского и духовного лидера этих стран.

Фельдмаршал был женат на грузинке, урожденной княжне Орбелиани. Она приходилась родственницей моей невестке, чья бабушка тоже была Орбелиани.

Когда князь Орбелиани-старший, отец княгини Барятинской, узнал, что мы в Варшаве, он пришел повидать нас и сказал, что его дочь приглашает нас навестить их с мужем. Барятинские тогда только остановились в царском дворце в Лазенках в Варшаве. Мы конечно же поехали и нанесли им визит.

После того как они вернулись во дворец в Скерневицах, мы отправились туда на обед. Мне запомнилось, что едва мы вместе с княжной Шаховской вошли в столовую, княгиня остановила нас и настояла на том, чтобы мы измерили, кто из нас выше ростом.

История того, как фельдмаршал Барятинский оказался в Скерневицах, такова. Он, руководствуясь своими донкихотскими принципами, отдал свое имение брату. И когда срок его службы на посту наместника на Кавказе истек, ему было некуда ехать. Пришлось вместе с женой отправиться за границу.

Там Барятинские встретились с императором Александром Вторым. Император был старым другом фельдмаршала.

Государь поинтересовался, почему князь не живет в России. А узнав причину, тут же предложил ему на выбор два дворца в Польше: Вышневицкий замок, который раньше принадлежал Марине Мнишек, и дворец в Скерневицах, который принадлежал Ловичам (титул Лович был дан мorganатической супруге великого князя Константина, сына императора Павла Первого. После смерти княгини Лович, согласно ее воле, имение перешло к главе Императорского дома России, который являлся королем Польши).

Барятинский выбрал Скерневицы. Когда мы нанесли им первый визит, в замке еще всюду шел ремонт.

Нас с невесткой часто приглашали остаться там на ночь. Позднее, когда мой брат присоединился к нам в Варшаве, мы все трое часто ездили в Скерневицы.

В имении часто устраивались состязания стрелков, организованные в английском стиле, поклонником которого был фельдмаршал, вообще англофил по натуре. Летом устраивались охоты на куропаток и фазанов, позднее – на оленей и, правда довольно редко, на диких кабанов.

Александр Второй каждый год приезжал в Варшаву на маневры и всегда проводил один день в Скерневицах. Фельдмаршал не только был адъютантом императора, но, кроме того, еще и его большим личным другом. К тому же они были примерно одного возраста.

В честь императора неизменно устраивался грандиозный обед, на котором присутствовало большое количество гостей: министры, офицеры и так далее.

На одном из обедов, гостями которого были и мы, фельдмаршал заметил Георгию, что был лично знаком с нашим отцом и потому хочет сделать что-нибудь для моего брата. И предложил Георгию стать его адъютантом. Вслед за этим фельдмаршал повернулся к императору и

---

¹⁵ Александр Барятинский родился в 1815 году. Учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров вместе с Михаилом Лермонтовым. Одним из его друзей был Дантес, отношений с которым будущий фельдмаршал не разорвал даже после дуэли друга с Пушкиным. 26 августа 1856 года Барятинский назначен на должность наместника на Кавказе. В 1859 году им был взят в плен Шамиль. Умер 25 февраля 1879 года в Женеве.

повторил то, что только что сказал Георгию. Император тут же поздравил моего брата с назначением.

Правда, потом оказалось, что брат не вступал в должность еще около года. Поддавшись сомнениям своей жены, у которой были более высокие устремления, он отказывался от военной службы у князя.

За тем обедом также присутствовали князь Витгенштейн, юная княгиня Орбелиани и старый адъютант фельдмаршала Кузнецов. Князь Витгенштейн также был адъютантом фельдмаршала. А его жена, урожденная княжна Дадияни, была нашей кузиной. Я их знала еще со времен своей учебы в тифлисской школе. Они тогда были только помолвлены.

Княгиня была очень красива. У нее было двое сыновей – Саша и Грицко. Когда они выросли, то стали офицерами императорского эскорта.

О Грицко в своей книге «Его час» пишет миссис Элионор Глин. А Саша был убит на дуэли в Петербурге, защищая, словно Дон Кихот, едва знакомую ему даму.

Княжна Орбелиани была удочерена князьями Орбелиани – родителями княгини Барятинской, которые, с позволения императора, дали ей свое имя. На самом деле она была дочерью священника Арджаванадзе, убитого Шамилем во время службы, которую он вел в одной из церквей в Кахетии.

Орбелиани дали этой девочке образование и приставили к ней гувернантку, мадам Бертини, которая до этого жила при дворе королевы Англии Виктории и являлась гувернанткой ее дочери, принцессы Алисы.

Позднее княжна Орбелиани вышла замуж за Василия Нарышкина.

Полковник Кузнецов был повышен в своем звании, до этого он был простым писарем (переписчиком документов). Фельдмаршал иногда поддразнивал своего старого адъютанта насчет его возраста, так как Кузнецов никогда не признавал, что ему больше 44 лет. Когда наступал день рождения адъютанта, князь Барятинский начинал смеяться и спрашивал: «Ну и сколько же тебе лет исполнилось в этот раз?», зная прекрасно, что ответом будут слова: «Сорок четыре, ваше превосходительство».

Барятинский очень часто бывал в Англии. Однажды, описывая какую-то домашнюю сценку из английской жизни, он вставлял в свою речь разговорный английский, в котором то и дело встречались фразы: «I say» и «Look here».

Кузнецов внимательно слушал рассказ, хотя и не понимал английского языка. А потом заметил с серьезным видом, что поражен английскими слугами, которых через одного зовут «Моисей» и «Лука».

Фельдмаршал был другом нашего отца и любил рассказывать, что первым сообщил ему известие о смерти императора Николая Первого.

Барятинский в то время был начальником штаба наместника на Кавказе. Для него стало большим потрясением увидеть моего отца, лично открывающего ему двери, по-простому одетого в бешмет¹⁶. Когда отец услышал новость о том, что император скончался, то заплакал. Он всегда был очень верен императору Николаю Павловичу.

Барятинские жили в Скерневицах по-царски. У фельдмаршала было три адъютанта и небольшой эскорт. Вооруженная охрана была на конях, а церемония смены караула проходила с армейской четкостью. Князь держал много лошадей и сам ездил в экипаже, правя четверкой. Прачечная находилась в ведении француза, а продукты с кухни в столовую доставлялись по маленькой железной дороге.

Дворец в Скерневицах не был очень большим. По правую сторону от просторного холла располагались покои для императора. Наверху в левом крыле была гостиная-библиотека, которая после того, как здесь побывала супруга Александра Второго, стала называться Салоном

---

¹⁶ Бешмет – одежда, которую носили под черкеской. – Прим. авт.

императрицы. Здесь же висел ее портрет работы Винтерхальтера. Мебель была обита роскошным желтым шелком, а занавеси на окнах были темно-сиреневого цвета.

На стене, лицом к лестнице, висел портрет Шамиля, его мечи и другие трофеи кампании 1856 года. Меч вместе с запиской о том, что он по праву принадлежит фельдмаршалу, был прислан Бястинскому самим Шамилем, который высказал такое пожелание на смертном одре.

Этим поступком Шамиль ответил на благородство фельдмаршала, пославшего в свое время заключенному в тюрьму Шамилю его меч.

Глава 5

На Рождество 1875 года Георгий, Эло и я отправились на юг, в Одессу. Брат Михаил присоединился к нам уже там.

Мы остановились в отеле «Петербург», который располагался по соседству с большим домом, принадлежавшим родителям моей невестки. Это был первый раз, когда я видела мать Эло, урожденную Орбелиани, по мужу Андреевскую. Александр Михайлович Дондуков¹⁷ сочинил о нем такой стишок: «Клестирчик сбоку, конь лихой, ростом молодецкий. Шамиль страшный, кто такой? Доктор Андреевский».

Мать Эло была весьма приятная грузинка невысокого роста с очень черными глазами, мягким голосом и привлекательными манерами. Ее певучий голос и привычка медленно произносить слова пленяли и очаровывали.

Бабушка Эло со стороны отца была немкой и носила фамилию Граф. А дедушка был известным окулистом, который влюбился в свою будущую жену во время операции на глазах, которую он делал.

Мы были очень счастливы в Одессе и не подозревали, что всего через год нас ожидает трагедия, которая произойдет в Тифлисе. Там старшая сестра Эло Нина встретила свою смерть, которая произошла весьма загадочным образом.

Нина со своей матерью остановились в доме, который принадлежал Георгию с женой. В это же время там жил один мужчина по фамилии Чхотуа, который приходился молочным братом Михаилу¹⁸.

Как-то вечером девушка отправилась купаться на реку и не вернулась. Ее одежда была обнаружена на берегу.

По городу пошли сплетни, которые даже были напечатаны в некоторых газетенках, что организатором убийства был мой брат, который хотел избавиться от сестры жены, чтобы, таким образом, Эло досталась часть ее наследства. А орудием преступления стал этот Чхотуа, нигилист по своим убеждениям.

Нет нужды говорить, что на суде подобным измышлениям никто не поверил. Всем здравомыслящим людям было известно, что, согласно действующему законодательству, младшая сестра не становилась наследницей состояния старшей сестры, и потому подобный мотив преступления не имел смысла.

Но, к сожалению, несчастный Чхотуа не смог предоставить никакого алиби, и, так как ни у кого не оставалось ни малейшего сомнения в том, что произошло именно убийство, он был приговорен к ссылке на 20 лет в Сибирь.

Через много лет реальный убийца на смертном одре признался в преступлении и невинная жертва была освобождена из Сибири.

Так получилось, что я оказалась на том же теплоходе, на котором он возвращался из ссылки. Я была счастлива увидеть бедного парня, снова вернувшего свое честное имя. Я подошла к нему, обняла и расцеловала¹⁹.

---

¹⁷ Князь Александр Дондуков-Корсаков – генерал, адъютант светлейшего князя Воронцова. Участник Кавказской и Крымской кампаний. Генерал-губернатор Юго-Западного края, в 1881 году – губернатор в Одессе, в 1882–1890-е годы – главнокомандующий на Кавказе. Умер в 1893 году в с. Полоное Псковской губернии.

¹⁸ Имеется в виду Михаил Шарвашидзе, родной брат Бабо и Георгия.

¹⁹ Убийство Нино Андреевской имело большой резонанс и вошло в историю как «Тифлисское дело». Газеты подробно расписывали обстоятельства трагедии: 29 июня 1876 года Нино вместе с матерью приехали из Одессы в Тифлис, чтобы принять участие в разделе семейного имущества. Вскоре, 22 июля 1876 года, было установлено исчезновение молодой девушки. На другой день рыбаки обнаружили тело неизвестной, в которой была опознана Нино Андреевская. Защитой Давида Чхотуа, обвиненного в убийстве девушки, занимался знаменитый адвокат Владимир Спасович. В свое время Спасович вел громкое дело, связанное с французским подданным Станиславом Кропленбергом. Последний обвинялся в том, что издевался над своей

В 1876 году мы все еще находились в Одессе, когда получили известие из Скерневиц о помолвке княжны Орбелиани с Василием Нарышкиным.

Фельдмаршал и его жена пригласили нас приехать и пожить в Скерневицах. Мы собирались приехать на свадьбу, но, к несчастью, непредвиденное происшествие задержало нас.

В железнодорожном вагоне, в котором мы отправились в путешествие, было очень жарко. Георгий вышел в коридор, сопровождаемый своей женой, чтобы подышать свежим воздухом. Там он внезапно потерял сознание.

Я спала в тот момент, но меня разбудил громкий шум. Я вышла из купе и стала свидетельницей странной сцены. Эло лежала на полу в луже крови, а над нею сидел склонившийся Георгий.

Оказалось, что в своем стремлении раздобыть для мужа свежего воздуха Эло кулаком разбила стекло вагона и порезала вену. Мы, как могли, попытались остановить кровотечение.

Нет нужды говорить, что в таком состоянии мы не могли продолжить путешествие и на следующей станции сошли и вернулись в Одессу. Там мы провели несколько дней, пока Эло не стало лучше. И только тогда вновь отправились в Скерневицы...

Кстати, наследник, ставший затем Александром Третьим, любил русскую парную. В нашем доме тоже была парная. Наследник обычно приходил к нам по утрам, парился, а затем пил с нами чай. У Эло даже была специальная чашка для него.

семилетней дочерью. Именно в связи с тем делом родился великий афоризм Федора Достоевского о том, что «ничто на свете не стоит слезинки ребенка». Речь Спасовича во время «Тифлисского дела» занимала 60 страниц и вызвала всеобщее восхищение. Однако на решение суда она не повлияла, и приговор Чхотуа остался в силе.

Глава 6

Жизнь в Скерневицах шла по строго заведенному порядку. Фельдмаршал вставал рано утром и в восемь утра уже отправлялся на прогулку. Для того чтобы я тоже могла вставать рано, он подарил мне свой будильник.

Ланч всегда подавался в одиннадцать часов утра, после чего я обычно отправлялась на конную прогулку. Я очень мало ездила верхом до этого, поэтому часто падала с лошади.

Как-то княгиня Барятинская заметила мне, что я неправильно сижу в седле и обязательно упаду. И действительно, через считанные минуты я была на земле.

С прогулки мы возвращались в три часа, пили чай и потом в пять часов обедали. В девять вечера снова пили чай, а для тех, кто хотел более серьезно подкрепиться, был накрыт стол с холодными закусками.

Мне запомнился забавный эпизод, произошедший в 1876 году во время визита в Скерневицы императора. Когда все собрались для обеда, фельдмаршал, увидев в дверях метрдотеля, решил, что обед готов, и, не дожидаясь привычного объявления: «Обед подан», повел императора и гостей в столовую.

Но оказалось, что обед еще не был готов и метрдотель выходил в салон просто, чтобы о чем-то спросить фельдмаршала. В результате императору пришлось двадцать минут сидеть за столом, ожидая обеда. Лица у всех собравшихся выражали растерянность, лишь один фельдмаршал смог обратить произошедшее в шутку и заставить императора рассмеяться. Фельдмаршал повернулся к нему и сказал: «Без сомнения, Ваше Величество никогда в жизни не ожидало супа двадцать минут. Это новый и, надеюсь, забавный опыт».

Тот визит Александра Второго в Скерневицы произвел на меня очень большое впечатление, я запомнила его во всех малейших деталях.

В местном театре был устроен прекрасный вечер. Этот театр был построен на месте старого вокзала. Занавес был точной копией кулис в театре Тифлиса. На нем были изображены предающиеся веселью грузинки и русские в традиционных костюмах. Оригинал принадлежал кисти художника князя Гагарина, который также расписал собор Сиони в Тифлисе.

Наследник и его супруга Мария Федоровна, сестра королевы Англии Александры, сопровождали императора во время этого визита.

Я запомнила, как после ужина завязалась оживленная дискуссия между членами императорской семьи о том, должны мы танцевать или нет. Мария Федоровна очень любила танцевать, а царевич, напротив, не был большим любителем этого.

В итоге император взял разрешение этого непростого вопроса на себя. И, подойдя ко мне, пригласил на вальс.

Комнату тут же освободили от стульев и столов, и Его Величество со мной, семнадцатилетней девушкой, открыло импровизированный бал. Я до сих пор дорожу украшенным вышивкой платьем, в котором танцевала в тот памятный вечер.

Приезд императора в Скерневицы был наполовину частный, неформальный, а потому наместник в Польше и другие официальные лица на прием не приглашались.

Перерыв в программе императорского официального визита в Польшу был всеми воспринят радостно. Император никогда не оставался в Скерневицах на ночь, в конце дня он неизменно возвращался в Варшаву.

В том году в конце августа, после того как Александр Второй уехал из Варшавы, царевич и его жена приехали погостить в Скерневицы. Барятинские, с их знаменитым тактом, пригласили в свой дворец все польское общество на встречу с его императорским высочеством. Поляки пребывали в восторге от этого.

Царевич и Мария Федоровна сумели уделить внимание всем приглашенным, они были с гостями милы и очаровательны.

30 августа было днем именин императора, царевича и фельдмаршала, а 5 сентября – именинами княгини Барятинской.

О том, как достойно отметить эти два события, велись серьезные споры. Устроить бал или организовать охоту?

Мария Федоровна конечно же хотела бал. Но так как царевич, как я уже говорила, не был большим любителем танцев, было решено устроить и бал и охоту.

Охота состоялась в местечке Томашов, где раньше был монастырь, и проходила с 30 августа до 5 сентября. А бал был дан в Скерневице 5-го числа, в день именин княгини Барятинской.

Утром 30 августа около 4 часов утра мы все отправились в «монастырь». Фельдмаршал решил отказаться от услуг полиции по охране высоких гостей и взять всю ответственность за безопасность на себя.

К счастью, ничего страшного не случилось. Притом что на балу, который был устроен на открытом воздухе, присутствовало огромное количество народа. Поляки были очень довольны этим вечером, особенно когда увидели, что в программе бала представлены национальные танцы. Царевич приобрел колоссальную популярность, когда приказал выставить танцорам водку.

Фельдмаршал в этот вечер наложил вето на военную форму, поэтому все явились в охотничьих костюмах, за исключением адъютанта царевича, который по одному ему известным причинам явился в военной фуражке и при шпорах. Мы вскоре заметили это и нашли способ подшутить над ним.

Моя невестка находилась в трауре и не присутствовала на охотничьей вечеринке. Поэтому моей компаньонкой стала княжна Шаховская.

Все было совсем по-простому. Нам предоставили бывшие кельи монахов, а в коридорах между кельями установили бочки с водой. Мы сами помогали себе одеваться, горничных и камердинеров у нас не было.

На первом вечере за обедом царевич сел между княгиней Куракиной, главной фрейлиной двора Марии Федоровны, и княгиней Барятинской. Царевич постоянно подшучивал над княгиней Куракиной, которую клонило в сон после трудного дня. Но царевич говорил, что та хочет спать из-за того, что выпила слишком много вина.

Когда гости в возрасте встали из-за столов, чтобы отправиться спать, царевич испугал гофмейстерину, что он со своими молодыми друзьями явится в ее спальню и разбудит ее.

В 11 часов вечера молодежь села за ужин. Я напомнила царевичу о его угрозе разбудить княгиню Куракину. Мы поднялись из-за столов и отправились на верхний этаж. Но, очевидно, наши движения сопровождались таким шумом, что разбудили спящих.

Неожиданно в дверях одной комнаты появилась княгиня Барятинская, а в других дверях стоял одетый в пижаму князь. Они вышли, чтобы разобраться, что случилось и почему так шумно.

Затем наше внимание переключилось на других гостей вечеринки. Мы натравили собак в келью, где остановился мой брат Георгий с друзьями. Их раздражение только добавило нам веселья.

Старый генерал в фуражке и шпорах стал нашей следующей жертвой. Его амуниция была брошена нами в бочки с водой.

Неожиданно царевич захотел зайти в келью, которую занимали мы с княжной Шаховской. Мы с ней первые помчались туда, чтобы успеть спрятать нашу одежду и примитивные приспособления для умывания. Но царевич, который находился в весьма веселом настроении, опередил нас и тщательно изучил нашу келью.

Находясь вдали от дома, Мария Федоровна каждый день получала письма от няни своих детей. Однажды она узнала, что император заходил навестить внуков и так растрогался их поведением, что заплакал.

После того как он ушел, маленький Ники (будущий император Николай Второй), как его называли, которому было всего семь лет, спросил: «Почему дедушка плачет, когда он доволен? Я плачу, только когда мне грустно».

Как-то я играла в бильярд с Марией Федоровной и неожиданно для самой себя вдруг стала напевать. Фельдмаршал тут же одернул меня, но царевна сказала: «Laissez la chanter»²⁰.

Ее императорское высочество хорошо знала русский язык, но предпочитала объясняться на людях по-французски.

Пока мужчины охотились, дамы катались либо верхом, либо в экипажах. Так как я еще не могла идеально сидеть в седле, Мария Федоровна взяла на себя мое обучение.

Как-то она ехала на лошади, а я позади нее правила экипажем, в который были запряжены великолепные лошади фельдмаршала. Я засмотрелась на Марию Федоровну и въехала в заросли кустов, ветки которых поранили лошадей.

Я так расстроилась из-за своей невнимательности, в том числе и потому, что со мной находилась фрейлина царевны графиня Апраксина, что начала нервно смеяться. Мария Федоровна пришла в ужас и воскликнула: «Бабо, у вас нет сердца!»

Кучер, который сидел на козлах позади нас, смог помочь нам и присмотрел за ранеными лошадьми. Княгиня Барятинская и княгиня Куракина, которые следовали за нами в своем ландо, взяли нас к себе и отвезли домой.

Двое участников охоты были довольно странными людьми. Особенно мне запомнился пан каноник (к нему обращались, как к мистеру Канон, или месье лё Кануану) – польский священник с неприятной улыбкой, которая обнажала зубы, словно покрытые зеленой плесенью.

Вторым чудачком был старый князь Радзивилл, с такой короткой шеей, что казалось, будто ее и не было вовсе. Его лицо было всегда таким красным, что мы, молодежь, все время думающие о том, как бы пошутить, устроили в один из дней разыгрыш. Мы притворились, что испугались, будто с ним сделался апоплексический удар, и облили его холодной водой.

Но князь был всепрощающ и отвечал добром на зло. Так, меня он учил словам революционного гимна Польши, что, надо заметить, весьма шокировало кое-кого в нашей компании.

Рассказывали, что этот принц Радзивилл вместе с императором Николаем Первым однажды присутствовал на учениях. Когда император обратился к нему с вопросом о том, какие взгляды тот имеет, князь из-за волнения неправильно понял значение вопроса. Решив, что император интересуется цветом его глаз, он ответил: «Голубые, ваше величество».

Польский акцент при произнесении слова «голубые» придал конечно же еще больший комический нюанс его ответу.

Мне грустно говорить об этом, но мой брат славился своей непунктуальностью. Когда он в очередной раз опаздывал в экипаж, который доставлял охотников на место встречи, собравшиеся обычно говорили: «Князь Шарвашидзе, видно, еще не закончил полировать свои ногти».

5 сентября мы все вернулись в Скерневицы, где должен был состояться бал.

В этом году, перед тем как императорская семья покинула Скерневицы, княжна Шаховская и я были назначены фрейлинами императрицы и были, согласно обычаю, одарены бриллиантовым «шифром».

В 1877 году была объявлена война Турции.

---

²⁰ «Пусть поет».

Перед тем как были официально начаты военные действия, князь Барятинский был вызван в Петербург, где ему предложили стать командующим армией. Но он отказался, так как считал, что количество войск недостаточно.

И тогда великий князь Николай, отец великого князя Николая Николаевича, который позже приобрел славу главнокомандующего на войне в 1914 году, был назначен командующим вместо него.

Мой брат Михаил со своим гусарским полком, расквартированным в Царском Селе, отправился на фронт, и я очень волновалась за него. Княжна Шаховская стала медсестрой в Красном Кресте. Ее поступок положил моду на работу в госпиталях среди дам высшего света.

Так как отец не позволил княжне отправиться на фронт, ей пришлось довольствоваться тем, что она читала книги и письма раненым, размещенным в варшавском дворце Брель, теперь превращенном в госпиталь.

Вместе с Барятинскими мы оставили Скерневицы и переехали в Варшаву во дворец Бельведер, где мы могли быстрее получать новости с фронта.

Император ежедневно телеграфировал фельдмаршалу и держал его в курсе событий. По случаю взятия Карса император писал: «Карс взят доблестной Кавказской армией. Вот как могут воевать наши солдаты!»

Я помню юного герцога Лейхтенбергского, племянника императора, очень симпатичного юношу, который проезжал на фронт через Варшаву. К сожалению, вскоре после этого он был убит.

Война закончилась в 1878 году. Фельдмаршал решил отвезти княгиню Барятинскую, которая на тот момент была нездорова, в Женеву. Мы с невесткой составили им компанию.

Оставляя Скерневицы, он пребывал в депрессии и говорил, что знает о том, что никогда уже сюда не вернется. Наводя порядок в своих книгах, он произнес – я слышала это – «Sic transit gloria mundi» («Так проходит слава мирская»). А на мою попытку переубедить его ответил: «Нет, я не вернусь». Вскоре наш добрый старинный друг фельдмаршал скончался.

Мы все сопровождали его тело обратно в Россию. Фельдмаршал был похоронен в своем старинном родовом поместье²¹.

Согласно российскому военному закону, вся команда скончавшегося фельдмаршала поступала на службу к императору. В результате мой брат тоже стал флигель-адъютантом его величества.

В 1881 году, после смерти Александра Второго, Георгий продолжил службу у Александра Третьего в том же качестве.

---

²¹ В 1937 году по приказу Председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Калинина, приехавшего на отдых в имение Марьино, останки фельдмаршала и его родни были извлечены из семейного склепа и сожжены на колхозном дворе, а сам склеп превращен в котельную.

Глава 7

После похорон фельдмаршала мы втроем – я, Георгий и Эло – вернулись на Кавказ.

В Абаши возле Нового Афона я встретилась со своей старшей сестрой, которая вышла замуж за князя Дадиани в возрасте 14 лет и теперь уже была вдовой.

Ее муж был родственником дамы, с которой мой отец был когда-то обручен и с которой потом резко порвал. Как я уже говорила, мой зять нанес мне визит, еще когда я училась в школе в Тифлисе.

В то время путешествовать там, где не было железных дорог, возможно было лишь верхом на лошади. Но для дам поездка в Тифлис была слишком длинна, даже если они могли сидеть в седле. Поэтому моя сестра не составила мужу компанию.

Грузинки в те дни уже не ездили верхом, как в былое время. И потому я привела своих родственников в шок, так как весьма увлеклась конным спортом во время своей жизни в Скерневицах.

В том году, когда мы находились в Сенаки, в Летнем саду в Петербурге было совершено покушение на императора Александра Второго. Незадолго до этого мой старший брат видел странный сон.

Георгий и Михаил занимали одну комнату. Как-то Михаил поднялся очень рано утром, чтобы успеть на поезд в Кутаис. Он разбудил Георгия и спросил, нет ли у него каких поручений. И Георгий сказал, что только что видел сон, будто в императора стреляли. Михаил сказал, что он разузнает в Кутаисе, не случилось ли чего с императором, и даст нам знать.

Буквально через несколько часов после его отъезда мы получили от него телеграмму о покушении на императора, которое, к счастью, не удалось, и император остался жив.

Из Сенаки мы отправились в Кутаис. Это был мой первый визит в этот живописный старинный город с окрашенными в разные цвета деревянными домами. Мы остановились в отеле «Колхида» и весело проводили время.

Масса местных обычаев была нова для меня. Здесь я впервые услышала, как грузины много поют во время трапезы. На всех больших обедах, даже просто семейных, обязательно назначался тамада – президент стола, который предлагал тосты. Их всегда было очень много, и каждый заканчивался словами: «Многая лета!»

Обед обязательно завершался молитвой Деве Марии, которая должна была защищать дом. Затем младшие и наименее важные гости первыми вставали из-за стола, крестились, отшивали поклон компании и покидали комнату.

Я заметила, что никто не крестился перед едой.

Обед обычно завершался в три часа дня, и потом до ужина, как правило, мы катались.

Множество интересных людей приходило навестить нас в отеле. Среди них – графиня Пушкина с дочерью и поэт Мамия Гуриели, который читал нам свои стихи и стихи русских поэтов.

Когда визит в Кутаис подошел к концу, я отправилась на север к Глазенапам в Дерпт, тогда принадлежавший Литве. Сейчас это город Тарту, относящийся к Эстонии.

Здесь я провела год. Некоторое время посвятила урокам верховой езды. У меня была своя лошадь по кличке Дива, и в моей памяти навсегда останутся наши путешествия.

Также я брала уроки английского и немецкого языков. Правда, если первый был мне интересен, то второй, увы, не очень.

В Дерпте я впервые познакомилась с движением Редстока. Лорд Редсток прибыл в Россию с евангелистской миссией. С ним меня познакомила моя подруга мадемуазель Шипова, фрейлина принцессы Ольденбургской, которая была последовательницей Редстока.

Я помню один забавный эпизод, связанный с этим движением. Мои знакомые решили наказать своего маленького сына. Тот, узнав о намерении родителя отшлепать его, обратился к отцу, последователю Редстока: «Не делай этого! Ведь во мне Христос!» – чем привел своих родителей в замешательство.

Позже я стала свидетельницей еще больших случаев, характеризующих это движение, но сейчас не стану подробно останавливаться на рассказе об этом.

В это же время мы узнали, что правительство вернуло нам одно из имений наших родителей, которое находилось возле Очамчиры в Абхазии.

Я снова отправилась на юг и встретила в Одессе с братом и его женой.

Оттуда Эло и я поехали в Абхазию. Прибыв в Очамчиру, мы обнаружили, что от дома ничего не осталось, а сама местность была такой влажной, что, скорее, походила на рассадник для лихорадки.

Мы остановились во временном плетеном домике, покрытым штукатуркой, с кафельным полом. Но я вскоре почувствовала себя больной и уехала в Сенаки.

Моя невестка осталась, но вскоре и она стала жертвой лихорадки. Ее муж не мог оставить Кутаис, так как занимался продажей лесоматериалов из Очамчиры, поэтому я вместе с доктором, двоюродной сестрой и горничной отправилась в Очамчиру, чтобы забрать Эло.

Мы погрузились в маленькую лодку и отчалили из Поти. По пути у Эло лихорадка усилилась и закончилась таким припадком, что нам приходилось силой удерживать несчастную больную.

В 1881 году мы услышали о последнем покушении на императора Александра Второго. Новость, которую нам сообщил старый слуга княгини Гагариной, потрясла меня. Когда сама княгиня пришла ко мне с визитом, ее первыми словами были: «Княжна, император убит». Затем до нас дошли детали, которые сегодня стали достоянием общественности.

У Александра Второго была привычка по воскресеньям совершать прогулку по Садовой улице вдоль Екатерининского канала к Марсову полю.

Князь Лорис-Меликов предупреждал государя именно в этот день, когда император встретил свою смерть, что дорога может быть заминирована.

Предупреждение осталось без внимания. Трагедия случилась на обратной дороге, когда государь проезжал по набережной канала. Первая бомба была брошена в него именно там. Но своей цели она не достигла.

Видя, что император обратил свое внимание на тех, кто был ранен, кучер стал умолять его вернуться в карету и поехать во дворец. Но император не послушал совета, и точно в этот момент раздался взрыв второй бомбы.

На сей раз цель была достигнута, Александр Второй был смертельно ранен. Говорили, что когда он упал, то взглянул на убийцу и саркастически произнес: «Хорош!»

Слова государя означали: «Каков храбрец!»

Императора доставили в Зимний дворец, откуда он совсем недавно отправился в свое последнее путешествие и где он вскоре скончался.

После смерти императрицы Марии Александровны Александр Второй женился морганатическим браком на княжне Долгорукой, с которой жил вместе и которая родила ему троих детей.

На самом деле она поселилась во дворце еще при жизни императрицы. Говорили, что Мария Александровна знала об этом романе и перед своей смертью послала за императором и высказала ему свое предсмертное желание, чтобы он женился на этой даме. Император исполнил волю императрицы и присвоил своей морганатической супруге титул княгини Юрьевской.

В 1882 году произошел неприятный эпизод в жизни моего второго брата Михаила, из-за чего я должна была поехать в Петербург, чтобы находиться подле него.

Михаил всегда был резвым, словно юный мальчик, и нуждался в строгости, с коей с ним обращался его воспитатель, адмирал Глазенап. Когда брат решил пойти в армию, то захотел немедленно поступить добровольцем в полк. Так часто делалось. Но адмирал, очевидно, полагал, что самым правильным для его протеже будет подготовительное обучение в военной школе.

Когда Михаил поступил в школу, Глазенап сказал командующему, чтобы тот ни при каких условиях не позволял Михаилу покинуть учебное заведение прежде, чем окончит два года обучения. Если же что-либо произойдет и Михаил захочет уйти, командующий должен был телеграфировать в Италию, где находился Глазенап. Тот немедленно обещал приехать и уладить все проблемы.

Очень скоро после отъезда Глазенапа Михаил действительно попросил командующего отпустить его, чтобы он мог сразу же поступить в полк. В Италию была отправлена телеграмма, и верный своему слову адмирал приехал в Петербург.

Адмирал встретился с Михаилом и, выслушав его пожелание поступить на службу, предложил сделать выбор: школа или служба в Ташкенте.

Михаил, видя, что старый наставник не шутит, сдался и выбрал школу. Он почти не занимался, но его учителя оказались строги и умелы, и в скором времени Михаил взялся за ум и блестяще выдержал экзамены.

Полк Михаила – гвардейский гусарский – был расквартирован в Царском Селе. Туда же прибыл его мудрый наставник и мадам Глазенап. Они приехали специально для того, чтобы юноша мог поселиться у них.

Глазенапы приняли Михаила с большой заботой и тактом. У него был свой ключ и отдельный вход. Но Михаил был слишком весел, разгулен и излишне увлекался офицерскими попойками.

В итоге в один из дней Глазенап вызвал его к себе и сказал: «Мой юный друг, вы слишком много пьете!» На что Михаил ответил: «Все честные люди пьют!» На это его наставник произнес: «Может быть, но они обычно делают, кроме этого, и что-то еще».

К сожалению, увлечение пирушками осталось в характере Михаила, и он почти не обратил внимания на слова адмирала.

В 1882 году Михаил вместе с друзьями-гусарами явился в ресторан и зачем-то ворвался в зал, который уже был занят группой купцов. Последним не понравилось неожиданное вторжение, и они громко возмутились по этому поводу.

Михаил, который на тот момент уже не владел собой, посчитал себя оскорбленным, выхватил оружие и ранил одного из гостей. Так как на этот момент брат находился в резерве, он должен был предстать перед гражданским судом, который, по всей вероятности, завершился бы приговором о ссылке в Сибирь.

Но его командиры, услышав о такой угрозе, тут же внесли имя Михаила в список проходящих действительную службу. Благодаря этому его судили по законам военного ведомства, которые были более лояльны к подобным нарушениям.

В итоге Михаила приговорили к 18 месяцам ареста в Петропавловской крепости. Ему были позволены свидания с друзьями и родственниками. Я навещала его каждый день.

В 1883 году в день именин великой княгини Ольги Александровны Михаила освободили, и мы вместе с ним отправились в Тифлис. Здесь у Георгия и Эло был прекрасный дом, три комнаты на третьем этаже которого стали моими апартаментами. Я чувствовала себя здесь как дома, разместив даже свой рояль.

В январе 1887 года я поехала в Петербург навестить своих друзей по Скерневицам – княгиню Шаховскую, которая теперь была супругой генерала Оржевского²², начальника тайной полиции.

Они жили в штаб-квартире департамента, ранее известного как Третье отделение, на Фонтанке. Само здание пользовалось у публики дурной репутацией, о нем говорили как о темнице с подземельем. Говорили, что несчастные узники часто попадали туда безо всякого суда и потом бесследно исчезали.

Моя комната находилась рядом с личным кабинетом генерала. Из своего окна я могла видеть, как заключенные прогуливаются в тюремном дворе.

1 марта, когда мы завтракали, генерал Оржевский сообщил нам, что раскрыт заговор против императора Александра Третьего. Все было сделано вовремя, и покушение удалось предотвратить. Оказалось, что Оржевский и его супруга знали о существовании заговора, но не говорили об этом, пока полиции не удалось арестовать заговорщиков. Среди них был Александр Ульянов, брат Ленина²³.

Генерал рассказал нам, что в течение нескольких дней двое или трое студентов со свертками под мышкой, в которых якобы находились книги, были замечены возле Аничкова дворца²⁴. Так как 1 марта император Александр Третий перед своим отъездом в Гатчину должен был проследовать из Аничкова дворца в Петропавловскую крепость, полиция была начеку. Студенты были арестованы, и в их свертках обнаружили совсем не книги, а бомбы.

Генерал Оржевский был чрезвычайно горд, что его департаменту удалось предотвратить трагедию, и, как руководителю, именно ему полагались вся слава и почет.

Но так получилось, что во время прибытия императора на Балтийский вокзал, где его ожидала императрица, он указал на начальника Петербургской полиции генерала Гресера и произнес: «Тому, что вы видите меня живым, я обязан ему». При этом имя генерала Оржевского даже не было названо. Выходило, что именно генерал Грессер, а вовсе не Оржевский удостоился славы и награды. Что конечно же было горьким разочарованием для мужа моей подруги.

Но его карьера от этого недоразумения не пострадала. Со временем он стал сенатором, а затем генерал-губернатором Вильно.

---

²² Генерал Петр Васильевич Оржевский родился 11 августа 1839 года в семье тайного советника, директора Департамента полиции. Жена – княжна Наталья Ивановна Шаховская, фрейлина императрицы Марии Александровны. В 1873 году назначен начальником Жандармского округа Варшавы, а три года спустя – флигель-адъютантом Александра Третьего. С 1882 года – товарищ (заместитель) министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов. Сенатор Правительствующего сената. Умер 31 марта 1897 года.

²³ Александр Ильич Ульянов, двадцатипятилетний студент физико-математического отделения Санкт-Петербургского университета, был арестован 1 марта 1887 года за участие в покушении на жизнь императора Александра Третьего. По приговору Особого присутствия Правительствующего сената был приговорен к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение 8 мая 1887 года в Шлиссельбургской крепости.

²⁴ Именно здесь, на набережной реки Фонтанки, опасаясь террористов, жил император с семьей.

Глава 8

В 1887 году я снова была в Петербурге, где остановилась у мадам Оржевской.

Во время этого визита я посетила три придворных бала. Два из них имели место в Концертном зале Зимнего дворца, а один – в Эрмитаже. На одном из балов великий князь Михаил Николаевич представил мне своего сына, и я танцевала с Георгием Михайловичем, а его кузен Петр и графиня Игнатьева танцевали как наши визави.

Графиня должна была выйти замуж за второго сына великого князя Михаила Николаевича, но его мать, великая княгиня, была категорически против этой партии. И в итоге великий князь оставил Россию и уехал в Англию, где позднее женился на графине Торби²⁵.

Во время того танца я запомнила, как танцевала императрица Мария Федоровна со своим сыном Николаем, впоследствии Николаем Вторым.

Наряды приглашенных менялись в зависимости от того, где проходили приемы. Когда балы устраивались в Эрмитаже, офицеры являлись в белых гусарских мундирах, расшитых шнурами. Если же празднество имело место в концертном зале, то был обязателен красный костюм, а гусарский мундир просто набрасывался на одно плечо.

Меня забавляло видеть, как великие князья и другие офицеры раздевались при прибытии, снимая с себя маленькие белые льняные жакеты, которые носили под шинелями, чтобы не испачкать белые мундиры.

Из Петербурга я отправилась в Царское Село, где мой брат Михаил отдал мне свою квартиру, а сам поселился со своими однополчанами в другом месте.

В том же 1887 году император Александр Третий решил посетить Кавказ. Мой брат Георгий должен был сопровождать императора. Но действующий адъютант, генерал князь Дадияни сказал наместнику царя князю Дондукову-Корсакову, что он снимает с себя ответственность, если князь Шарвашидзе будет приставлен к свите императора, так как он не считает его «политически надежным». В итоге кто-то другой занял место брата, а Георгию приказали покинуть Кавказ на время визита императора.

Я находилась в Царском Селе с моим младшим братом Михаилом, когда мы впервые услышали, что Георгий в письме к министру Двора Воронцову-Дашкову жаловался на обращение, которое он получил, и просил просветить его о причинах.

Вскоре после этого мы узнали, что репутацией «политически неблагонадежного» Георгий был обязан инциденту, связанному с похоронами князя Кипиани, который, как утверждали, был убит по приказу властей Тифлиса.

Князь Кипиани был избран предводителем дворянства Кутаисской губернии. Также он был известен, как один из переводчиков на грузинский язык «Короля Лира».

Во время срока действий его полномочий тогдашний наместник царя на Кавказе²⁶ сделался весьма непопулярным среди грузин. И когда в свое имение в Боржоме приехал великий князь Михаил Николаевич, князь Кипиани возглавил делегацию грузин и представил великому князю жалобу на наместника. Детали той встречи затем были подробно описаны в листовках, которые разошлись по всей стране. И мы, среди прочих, смогли познакомиться с ними.

---

²⁵ Графиня Торби, урожденная София Меренберг, родилась 20 мая 1868 года в Женеве в семье принца Николая Вильгельма Нассауского и Натальи Александровны Пукиной, дочери великого поэта. В 1891 году вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича. Брак считался морганатическим. Из-за жеманщины сына на Софии Меренберг его мать, великая княгиня Ольга, перенесла удар и вскоре скончалась. Титул графини Торби придумал сам великий князь, взяв за основу фамилии названные деревни Тори в боржомском уезде Грузии, где жила семья его отца. Александр Третий не признал этот брак и запретил великому князю въезжать на территорию России. Лишь в 1901 году брак был признан. Умерла графиня Торби 14 сентября 1927 года.

²⁶ Князь Дондуков-Корсаков.

Вскоре после этого бедного Кипиани, которому было семьдесят пять лет, обнаружили связанным в своей постели и с разбитым черепом. Всем грузинам было очевидно, кто виновен в его гибели.

Похоронная процессия, во главе которой шествовали мой брат Георгий и князь Орбелиани, проследовала мимо дворца наместника, несмотря на официальный запрет на шествие.

Брату приказали покинуть Тифлис. На время Георгий и его жена уехали в Крым. Мы с Михаилом присоединились к ним²⁷.

Когда Георгий вернулся на Кавказ, то стремился к тому, чтобы его случай был предан открытому суду. Но ему сказали, что в этом нет никакой необходимости, так как император проявил великодушие, простил его и забыл о прошлом.

Тем не менее великодушие императора не компенсировало то отношение, которое Георгий встретил со стороны правителя Тифлиса. Брат считал, что его не за что прощать и нечего забывать. Вскоре после этого он подал на имя императора рапорт об отставке.

Будучи фрейлиной, я конечно же должна была быть представлена императрице Марии Федоровне, которую я знала еще царевной, когда она посещала Скерневицы. Прибыв на представление в Аничков дворец, я узнала, что император Александр Третий тоже выразил желание увидеть меня. Он был болен, и я запомнила, что в ответ на мои слова: «Как мило видеть вас снова в добром здравии», он ответил довольно грустно: «Не совсем в добром».

Через несколько месяцев он скончался в Ялте. Это было в 1894 году.

---

²⁷ За время вынужденного отсутствия в Грузии Шарвашидзе побывал и в Европе. В казино Монте-Карло с ним произошел забавный случай. В тот вечер, когда в казино появился Георгий, один француз выиграл огромную сумму. И, высокомерно поглядывая на окружающих, спросил, нет ли желающих сыграть с ним. К нему подошел светлейший князь Шарвашидзе, положил на игральный стол свою визитную карточку и назвал ставку, которая составляла всю сумму выигрыша. По воспоминанию правнучки светлейшего князя, Георгий выиграл! А получив деньги, подозвал к себе гарсона и отдал ему их на чай. Потом этот молодой человек открыл на полученные деньги собственное казино и очень разбогател.

Глава 9

В течение 1895–1896 годов я стала свидетельницей доброго поступка мадемуазель Шиповой, фрейлины принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской.

Когда принц и принцесса отправились в Ниццу, фрейлина пригласила меня присоединиться к ним. Я приняла приглашение и запомнила, как мадемуазель Шипова встретила меня и отвезла в отель.

Там она настояла на том, чтобы я осталась в своем дорожном костюме (фланелевой блузе и твидовой юбке) и могла отдохнуть с дороги. А вечером составила мне компанию при игре в карты.

Среди гостей была принцесса Баденская, сестра принца Ольденбургского. Из Ниццы мы все вместе поехали в Сарден, что неподалеку от Франкфурта-на-Майне.

Здесь принцесса Ольденбургская предложила мне постоянно жить с ней и ее мужем. И с этого момента начался один из самых восхитительных и интересных периодов моей жизни. Эти двое дорогих моему сердцу людей были так добры ко мне, что я никогда не найду слов, достойных описать их.

Я хочу сказать несколько слов об истории семейств принцев Ольденбургских и герцогов Лейхтенбергских, которые были представлены личностями принца Александра и его жены, принцессы Евгении.

Первым принцем Ольденбургским, который приехал из Германии в Россию, стал принц Георгий. Он женился на великой княжне Екатерине, дочери императора Павла.

Екатерина Павловна была любимой сестрой императора Александра Первого. Говорили, что Наполеон просил ее руки. И отказ ее брата, сказавшего, что он не выдаст сестру замуж «за узурпатора», стал одной из причин вторжения французов в Россию в 1812 году.

После женитьбы принц Георгий Ольденбургский был назначен губернатором Твери. Его сын Петр был русским и по своей ментальности, и по месту рождения. В память о его усилиях, направленных на заботу о благосостоянии русского народа, на Литейном проспекте в Петербурге ему был установлен памятник.

Есть забавный анекдот, иллюстрирующий человеколюбие принца Петра. Когда его сын Александр был командующим Петербургским гарнизоном, принц Петр ехал по городу в своей карете и увидел пьяного солдата. Опасаясь, как бы служивый в таком состоянии не попался на глаза его сыну и тот не арестовал его, принц Петр Ольденбургский остановил карету и посадил в нее подвыпившего военного. О том, что произошло с нарушителем устава дальше, история умалчивает.

Принцесса Евгения Ольденбургская, жена Александра, была урожденной герцогиней Лейхтенбергской. Ее мать, старшая и любимая дочь императора Николая Первого, вышла замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского, внука Жозефины Богарне (впоследствии супруги французского императора Наполеона Первого).

Герцог и герцогиня Лейхтенбергские были знамениты своей красотой. Их дочь, моя подруга, принцесса Евгения Ольденбургская, была очень привлекательна внешне и, хоть и невысока ростом, держала себя с чрезвычайным достоинством. По характеру она была спокойна и уравновешенна, что заметно по ее письмам.

Привычки принцессы были почти спартанские, а ее пристрастия в одежде были самыми простыми. Она никогда не проявляла ни малейшего интереса к сплетням и скандалам, а потому обстановка во дворце Ольденбургских была абсолютно свободна от каких бы то ни было интриг.

Принц Александр в каких-то вещах был полной противоположностью своей супруге. В некоторых случаях он мог вспылить и прийти в неопишемую ярость. Но причиной его гнева никогда не являлись какие-то личные счеты или мелкие вещи.

Объектами его неудовольствия становились люди некомпетентные и бездеятельные, чьи слабости он рассматривал как ущерб интересам всего общества.

Иногда его обвиняли в неожиданных вспышках гнева, которыми он, наверное, был обязан своему предку, императору Павлу Первому. Но на самом деле, я уверена, это случалось, только когда он замечал, что кто-то менее целеустремлен и усерден, чем он, а вовсе не из-за желания просто осудить или покриковать из вредности.

Его энергия была удивительна, а способности переносить боль и созидать были сродни гениальности. Поэтому, возможно, и возникал время от времени недостаток терпения при общении с теми, кто был лишен такого дара.

Щедрость этой королевской пары была чрезмерна, а их гостеприимство находилось на самом высоком уровне. Они целиком положили свое состояние и самих себя на алтарь службы друзьям и своей стране.

Только обслуга их дворца на Дворцовой набережной в Петербурге состояла из 300 человек. В это число входили конечно же и члены семей их слуг, которые все жили за счет принца. Дети слуг бесплатно получали образование.

У Ольденбургских был один сын, принц Петр, который в 1901 году женился на великой княжне Ольге Александровне, сестре императора Николая Второго.

Начав жить с Ольденбургскими, я была встречена хлебом и солью. У меня была своя комната, окна которой выходили на Неву.

Наша жизнь в Петербурге была довольно активна, так как Ольденбургские принимали участие во многих общественных и благотворительных акциях. Адреса комитетов, членом которых состояла принцесса, занимали четыре листа. У нее был секретарь, который посещал все официальные собрания.

Вскоре я заметила, что тоже оказалась вовлечена во множество общественных и благотворительных действий, которые то и дело происходили во дворце Ольденбургских. Я посещала встречи и приемы. Первые обычно проходили утром, а последние – после обеда.

Все, кто приходил поговорить с принцем и его женой, оставались, как само собой разумеющееся, на обед. Мы никогда не садились за стол обществом меньше чем 20 человек.

Перед обедом все собирались в большом холле. Когда обед был подан, хозяин и хозяйка появлялись из дверей, ведущих в их личные покои.

Ольденбургские очень любили собак, и у них всегда жило несколько питомцев.

Отец принца Александра, принц Петр Ольденбургский в свое время учредил Юридическую школу. И теперь принц Александр тоже проявлял интерес к этой работе.

Он также руководил «Народным домом». Принц Александр был движущим механизмом, основой этого учреждения и вникал в малейшие детали, включая организацию мытья посуды автоматическими машинами.

Любой изобретатель приветствовался в его доме. И возможно, один из первых экспериментов с радио был произведен изобретателем полковником Утиным именно во дворце Ольденбургских.

Я приведу список некоторых наиболее важных заведений, которыми владели их высочества и благодаря энергии и средствам которых те существовали:

- ремесленное училище для мальчиков;
- юридическая школа;
- Институт для девочек имени принцессы Терезии;
- детская больница;

– институт экспериментальной медицины, учрежденный самим принцем Александром и в дальнейшем руководимый знаменитым академиком Иваном Павловым.

Во время эпидемий холеры и чумы принц Александр посещал зараженные области и потом просил разрешение правительства для основания экспериментальной лаборатории по изучению чумы в старой крепости Александра Первого в Кронштадте.

Царствующая императрица была президентом почти всех благотворительных сестринских общин, связанных с Красным Крестом. Принцесса Ольденбургская была их председателем.

Следующие институты находились под патронажем принцессы Ольденбургской:

– Институт Святой Троицы (первое заведение в этом роде, носившее имя кающейся Марии Магдалины, было основано матерью принцессы Ольденбургской, великой герцогиней Мери);

– Георгиевская и Евгеньевская общины медсестер;

– дом милосердия для проституток.

Этот дом был разделен на три департамента.

Первый предназначался для пожилых женщин, которые добровольно могли прийти туда и затем при желании оставить его. Второй был создан для девушек в возрасте от 18 лет до 21 года. Его обитательницы были обязаны постоянно находиться там и не могли уйти сами.

В третьем департаменте жили маленькие дети, которых полиция отбирала у их заблудших матерей. Дети получали там образование, специализируясь в вышивании. Там также была церковь со священником, дети пели в хоре.

Первый департамент располагался отдельно от двух других, при нем был разбит большой сад. Было очень сложно найти надзирательницу для этого департамента, от нее требовалась большая работа. Воспитанницам второго департамента давали специальность учителей начальных городских школ. Девушки получали хорошее музыкальное образование и в день выпуска устраивали отличные концерты.

Принцесса Ольденбургская проводила много времени в этих институтах, в которых она была президентом. Как и мсье и мадам Сабуровы, которые занимали пост вице-президентов. Я являлась патронессой двух департаментов.

Иногда мы ходили в полицию, чтобы освободить задержанных девочек. Некоторые из них были довольно умными, но ладить с ними было весьма непросто.

Глава 10

Обычно мы ездили за границу после Рождества – как правило, в Болье, но иногда и в Ниццу. Весной мы перебирались в Баден, где жила сестра принца Ольденбургского, жена принца Вильяма Баденского. Мы занимали целое крыло в отеле де Рюсь, а принцесса Баденская – первый этаж.

В мае мы всегда возвращались в Россию, в Петергоф – это рядом с Петербургом. Там Ольденбургские имели большую дачу, частью которой была ферма, известная как «Ферма принца Ольденбургского».

Изначально она принадлежала матери принца, которая страдала туберкулезом и потому должна была жить на свежем воздухе и в непосредственной близости с коровами. Запах последних считался полезным для страдающих этим недугом.

Коровник располагался по соседству со столовой, и для того, чтобы попасть к трапезе, необходимо было пройти через него. Когда император приходил на обед к принцу, он тоже проходил через коровник и любил каждый раз погладить животных.

Сами император с императрицей, когда приезжали в Петергоф, всегда останавливались на собственной ферме «Александрия».

Вообще, вся местность, начиная от Ораниенбаума и заканчивая Петергофом, была застроена фермами, которые принадлежали членам императорской фамилии.

Стрельня – великому князю Николаю Николаевичу, Сергеевка – великой княгине Марии Николаевне, а сам Ораниенбаум был собственностью великой княгини Екатерины Мекленбургской.

Обычно только во время приездов на дачу члены императорской фамилии имели возможность часто видаться друг с другом. Поэтому в «Александрии» император Николай Второй и его супруга Александра Федоровна то и дело устраивали обеды, на которых присутствовали и Ольденбургские.

Изначально столовая в доме Ольденбургских была коровником. Потом коров перевели в соседнее помещение, а в саму комнату, громадную по своим размерам, разделили на несколько зон.

После обеда мы часто оставались в столовой, просто перемещаясь в другую часть комнаты, где играли в карты. Наша самая любимая игра называлась «тетка».

Однажды я оказалась за карточным столом вместе с императором. Его величеству не повезло, и он проиграл мне и моему партнеру. Свой долг он заплатил золотой монетой в 15 рублей.

Деньги были специальной императорской чеканки и предназначались для расчетов царской семьи. Мне очень хотелось иметь эту монету как талисман. Но у моего партнера, очевидно, было то же самое желание, и ничто не могло заставить его расстаться с императорской монетой.

На этих неофициальных вечерах император обычно носил мундир стрелкового полка, который надевал на русскую блузу из розового шелка. Императрица всегда появлялась в вечернем платье с неизменной шляпкой, которую она не снимала на протяжении всего вечера.

Когда я первый раз приехала погостить к Ольденбургским, меня представили императрице. Княгиня Бяратинская тогда была ее фрейлиной и перед тем, как представить меня ее величеству, предупредила, что императрица очень стеснительна и поэтому я сама должна вести беседу и постоянно что-то говорить.

Искренняя робость императрицы становилась еще заметнее, когда кто-либо из приближенных императорской семьи позволял себе какие-то бестактные высказывания. Ее величество не могла поставить такого человека на место. Недруги семьи потом преподносили это как согласие императрицы с подобного рода высказываниями.

Все это приводило к тому, что ее величество не была популярна у русского народа.

Бедная Александра Федоровна! Она почти не бывала в беззаботном или веселом расположении духа. Потому я навсегда запомнила ту редкую минуту, когда она вся буквально светила от юношеского счастья. Это произошло во время катания на санках.

Сложно представить себе, что это прекрасное создание когда-либо могло быть скромной и неуклюжей пятнадцатилетней девочкой, какой ее впервые увидел будущий муж, приехав на свадьбу ее сестры и великого князя Сергея Александровича. Тогда будущая императрица решила, что Николай никогда не женится на ней!²⁸

Ферма Ольденбургских содержалась в безупречном порядке. Газон был плотный и ровный, и я никогда не забуду удивительный запах цветов.

Принц Александр держал превосходных лошадей. Он сам любил кататься на белых, а принцесса на черных лошадях.

В моем полном распоряжении была карета и пара лошадей. Я до сих пор слышу звук хрустящего под копытами песка и окрик кучера, раздававшийся, когда мы достигали домика охраны: «Ворота!»

Домовичи – другое загородное имение Ольденбургских в Новгородской губернии – было типично русским по стилю. Дом был построен из сосновых бревен, и потому в нем всегда чувствовался освежающий и ароматный запах дерева.

Все было очень по-простому и забавно контрастировало со слугами в их парадных ливреях.

Принцесса была добра ко всем, кто приходил к ней за советом и медицинской помощью. Я помню, как пришел громадный симпатичный парень, который жаловался на боли в ноге. Принцесса предложила ему пройти в гостиную и снять онучи, в которые была обернута его нога.

Когда он освободил ногу, мы все равно ничего не смогли увидеть – так она была грязна. Принцесса приказала принести тазик и вместе со мной и слугой, сидевшим посреди нас, принялась мыть ногу и затем вытирать ее.

Видимо, на моем лице столь явно было написано негативное отношение к тому, чем мы занимались, что принцесса осуждающе взглянула на меня и произнесла: «Что здесь такого? Об этом даже не стоит говорить!»

Ее великодушие и доброта к страждущим всегда были экстраординарными, и, кажется, ничто не проходило мимо нее.

По вечерам мы обычно ходили на реку и ловили рыбу. Рыба сама приплывала на свет, который исходил от лампы, закрепленной на нашей лодке. Нам оставалось только подбирать ее.

Год 1899-й остался в моей памяти благодаря осенней мирной конференции в Гааге. Идея ее организации принадлежала императору Николаю Второму, и конечно же вся Россия говорила об этом.

После 13 августа мы обычно ехали в Рамонь – имение Ольденбургских в Воронежской губернии, подаренное императором Александром Вторым принцессе Евгении Ольденбургской, которая приходилась ему племянницей.

Там мы встречались с соседями, приезжавшими из своих имений, чтобы навестить нас. Жизнь здесь кардинально отличалась от жизни в Домовичах. Нам приходилось долго добираться до Рамони, и поездку нельзя было назвать приятной, так как черная земля в сухую погоду превращалась в черную пыль.

---

²⁸ На самом деле будущая императрица Александра Федоровна впервые приехала в Россию в возрасте 12 лет. В 1884 году состоялась свадьба великого князя Сергея Александровича и ее сестры Эльзы, в браке ставшей великой княгиней Елизаветой Федоровной. Будущий император Николай обратил внимание на внучку английской королевы Алису лишь семь лет спустя, когда та вновь приехала в Россию. Свадьба принцессы Алисы, ставшей императрицей Александрой Федоровной, и Николая Второго, состоялась 14 ноября 1894 года.

Экстраординарность и изобретательность принца Александра Ольденбургского прекрасно иллюстрируют его достижения. Так, курорт Гагры на Черном море своим существованием обязан именно ему.

Как-то во время нашего летнего пребывания в Петергофе я запомнила одну сцену. Принц вернулся из Петербурга и сказал жене: «Я только что видел князя Хилкова (министра транспорта и коммуникаций). Он собирается поехать на автомобиле на Черное море и приглашает меня с собой. Я бы с удовольствием поехал». Принцесса ответила: «Почему бы и нет?» После этого принц отправил князю телеграмму о своем согласии.

По дороге из Новороссийска в Сухуми они остановились, чтобы набрать воды и заправиться в местечке, которое называлось Гагры. Тогда там не было ничего, кроме остатков древней крепости и развалин старой больницы.

Но местность была так прекрасна, что произвела огромное впечатление на принца. Он задумал устроить на этом месте курорт, где россияне могли бы поправлять свое здоровье вместо того, чтобы ехать на лечение за границу. Когда он вернулся в Петербург, то был уже серьезно настроен воплотить свой проект в жизнь.

Весь черноморский регион в то время находился в ведении генерала Абаза. Со своим планом принц отправился к нему. Но генерал не разделял взглядов принца и его воодушевления. «Проще достать с неба луну, чем превратить Гагры в стоящий курорт», – сказал он.

Но принц не собирался сдаваться. Он упорно добивался своего и в итоге сделал все, чтобы император позволил воплотить в жизнь его план. О том, как все развивалось и что из этого получилось, я напишу позднее.

Другое рискованное предприятие принца Ольденбургского тоже было результативным. Когда в Самарканде началась эпидемия чумы, принц организовал и возглавил миссию в охваченную эпидемией область.

Эпидемию удалось взять под контроль. Когда миссия вернулась в Петербург, имея на руках данные для научных исследований, принц Ольденбургский высказал пожелание, чтобы все это было опубликовано.

Но Витте, тогда министр финансов, возразил против этого. По его мнению, публикации о чуме могли повредить торговым отношениям России с миром.

Принц был очень зол. Он так никогда и не пришел к согласию с Витте²⁹. Но и в тот раз ему удалось одержать победу.

Лаборатория исследований чумы в Кронштадте стала результатом экспедиции в Самарканд и прекрасным памятником заботе принца Ольденбургского о здоровье нации.

В 1900 году я отправилась на юг в Сухуми, чтобы навестить моего брата Георгия. Вместе с ним мы поехали в Гагры, где принц Ольденбургский лично руководил работами по созданию курорта.

Мы прибыли в четыре утра. Так как большой корабль не мог подойти к пирсу, на берег нас доставила маленькая лодка. Принц Ольденбургский лично встречал нас на пирсе и затем доставил до нашего жилища.

Помещение было совсем небольшим. Одну деревянную хижину занимал принц, а другую – электрик с семьей. Меня поселили в их домик, а сам электрик с семьей и Георгий стали жить в палатке.

Принц вел очень энергичный образ жизни, вставал в четыре утра. Повсюду он организовал систему оповещения звонками и, таким образом, был в курсе всех передвижений рабочих и вообще всего происходящего.

---

²⁹ Граф Сергей Витте, бывший с 1892 по 1903 год министром финансов и с 1905 по 1906 год премьер-министром России, в конце жизни оставил весьма нелицеприятные воспоминания о семье Ольденбургских. О принце Александре он написал как о человеке, «который очень скуп и который умеет считать свои деньги и если и открывает различные благотворительные учреждения, то все это он делает всегда на счет казны, а сам своих денег никогда не дает».

В 1900 году мы находились в Болье на Ривьере, когда единственный сын Ольденбургских прибыл и сообщил родителям, что собирается жениться на второй сестре императора. После возвращения в Россию он прислал телеграмму о своем обручении с великой княжной Ольгой Александровной. Ольденбургские и я вернулись в Петербург, где этим летом должна была состояться свадьба. Она проходила во дворце в Гатчине.

Стоял очень жаркий день, а весь русский двор должен был быть одет в одежду из толстого бархата. Я чувствовала, что не смогу даже пошевелиться в таком облачении, не то что совершить путешествие из Петербурга. А потому ранним утром в своем обычном платье отправилась в Гатчину к моему кузену, князю Георгию Шарвашидзе, который был адъютантом у вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и в его покоях спокойно облачилась в наряд из бархата.

Мое платье, подаренное мне принцессой Ольденбургской, было прекрасно. Изготовленное из малинового шелка, оно было украшено вышивкой в виде серебряных дубовых листьев и надевалось поверх традиционного русского сарафана, расшитого золотой нитью.

Почти на всех дамах были надеты такие сарафаны с накидкой из бархата. Платья фрейлин были из красного бархата. А императрица и великие княгини и гофмейстерины носили зеленый бархат.

Остальные приглашенные дамы могли надеть бархат любого другого цвета, который им больше нравился. Но стиль нарядов у всех должен был быть одинаковым – накидка из бархата поверх сарафана.

После медового месяца в Рамони, имении матери жениха, молодожены присоединились к Ольденбургским на их ферме в Петергофе. А затем, пока их собственный дом на Сергеевской улице в Петербурге не был готов, жили около года во дворце Ольденбургских на набережной Невы.

Великая княгиня Ольга Александровна была очаровательна. У нее были черные выразительные глаза, и вся она была очень грациозна. Рассказывали, что, когда она была совсем ребенком и ее старшая сестра, великая княгиня Ксения Александровна, была помолвлена с великим князем Александром Михайловичем, она сказала: «Я некрасива и потому никогда не выйду замуж. Я стану сестрой милосердия».

Ее супруг Петр не был красив, но весь его облик был проникнут аристократизмом. Его мать смеялась: «Петр воображает, что похож на Николая Первого». Надо заметить, что император Николай Первый считался красивым.

Взгляды Петра были очень просты и либеральны. Его мать владела имением в Воронежской губернии, которое я уже упоминала выше. В Рамони Петр и воспитывался, с раннего детства общаясь с простыми деревенскими людьми.

Принцесса Евгения всегда мечтала, чтобы ее сын интересовался и любил «народ». Отсюда и возникли либеральные взгляды Петра, в дальнейшем трансформировавшиеся в социалистические. Он очень переживал из-за экономического неравенства в обществе.

Петр и император Николай Второй были примерно одного возраста. Петр часто говорил об императоре, что «если бы он был частным лицом, то был бы самым большим либералом из всех либералов».

Взгляды Петра Александровича были хорошо известны Николаю Второму. Когда порка была отменена (порка использовалась как наказание для крестьян вместо штрафа), император поздравил Петра Александровича, словно это была его личная победа.

В его доме на Сергеевской улице жизнь была веселой. Главным развлечением были любительские спектакли в домашнем театре.

Брат Ольги Александровны великий князь Михаил Александрович, впоследствии провозглашенный наследником престола, часто выходил на сцену с фрейлиной сестры мадемуа-

зель Косиковской. Естественно, роман между ними не заставил себя ждать. Но в связи с положением Михаила Александровича роману не позволили развиваться во что-то более серьезное³⁰.

Возвращаясь к моей жизни с Ольденбургскими-старшими. После свадьбы их сына с Ольгой Александровной, в начале 1901 года, я с принцессой отправилась в Тифлис, где выходила замуж ее племянница.

Принц Ольденбургский в это время поехал в Гагры, где вовсю шла работа по организации зимнего курорта. Очень скоро мы получили телеграмму о том, что он серьезно болен. К счастью, у меня был очень хороший хирург, который немедленно отправился в Гагры.

А после свадьбы туда же поехали и мы с принцессой. Мы действительно застали принца серьезно больным. И так как в Гаграх не было возможности найти для него комфортную квартиру, было принято решение перевезти его в Рамонь. К сожалению, море было очень непокойно, и оказалось чрезвычайно сложным подняться на борт парохода с нашей маленькой лодки.

В конце концов в шесть утра мы были в Рамони, и на следующее утро там уже состоялся консилиум из восьми докторов, среди которых был Вельяминов, очень известный хирург. Они решили, что необходима срочная операция, которая и была вскоре успешно проведена.

В связи с этой болезнью я должна упомянуть отца Иоанна Кронштадтского. Ему сообщили о критическом состоянии принца Ольденбургского, и все надеялись, что священник сможет приехать в Рамонь. Увы, никакого ответа не последовало.

Каково же было наше всеобщее удивление, когда однажды мы обнаружили отца Иоанна сидящим в шесть утра на скамейке в парке.

О чудодейственных способностях отца Иоанна ходит много историй. Я лично знаю две. Одна из них связана с неожиданным исцелением парализованной дочери княгини Анны Бяргинской (много лет спустя она вместе со своей другой дочерью будет расстреляна большевиками).

Девушка была доставлена в абсолютно беспомощном состоянии в воронежское имение матери. Отца Иоанна попросили приехать и помочь. Он прибыл. Через покои девушки прошел в соседнюю комнату и начал молиться. Когда он закончил молиться и выходил из комнаты, юная княжна сама шла ему навстречу.

Второй случай связан с княгиней Юсуповой. У нее были очень тяжелые роды сына (впоследствии приобретшего славу убийцы Распутина), которые она, по мнению врачей, не должна была перенести.

Отец Иоанн явился в дом Юсуповых³¹ и, пока он находился в соседней комнате и молился, княгине неожиданно стало лучше, и вскоре она окончательно поправилась.

Через год после болезни принца Ольденбургского мы все отправились в Гагры, чтобы посмотреть, как там продвигаются дела. На этот раз мы смогли разместиться в прекрасно оборудованном отеле, где заняли номер с ванной и балконом³².

---

³⁰ В 1907 году у великого князя Михаила Александровича начался роман с женой его подчиненного поручика Вульфберта. 30 октября 1912 года в Вене прошло тайное венчание великого князя с Натальей Вульфберт. Брак был признанmorganaticким. Великий князь был уволен со всех постов и получил запрет на возвращение в Россию. Лишь с началом войны 1914 года великий князь смог вернуться на Родину и получил командование Кавказской конной дивизией, в которой служили мусульмане. В 1917 году он отказался от власти, переданной ему Николаем Вторым. Был убит большевиками в ночь с 12 на 13 июля 1918 года. Его жена, теперь именованная графиней Брасовой, сумела выехать за границу и умерла в Париже в 1952 году.

³¹ Князь Феликс Юсупов в ночь на 17 декабря 1916 года в своем петербургском дворце вместе с другом, великим князем Дмитрием Павловичем, совершил убийство «святого старца» Григория Распутина. За что был выслан из столицы в имение Ракитное в Курской губернии. Умер в Париже в 1967 году.

³² В качестве иллюстрации к этим строкам в мемуарах баронессы была приклеена открытка уже советских времен, на которой над возведенным прицем Ольденбургским отелем были установлены громадные слова «Курорт Гагры», а под самой открыткой стояла подпись: «Санаторий имени Сталина».

Я была поражена тем, как была организована работа и как много удалось сделать. Мне было любопытно заметить, что все работы по металлу велись выпускниками Петербургской ремесленной школы принца Ольденбургского. Каждый вечер принц устраивал совет, на котором любой рабочий мог встретиться с ним и высказать свою критику и предложения.

Грустное событие омрачило наш приезд в Гагры. Один из рабочих заболел и умер. Его похороны были назначены на шесть утра. Принц Ольденбургский при полном параде и в орденах шел за простым деревянным гробом до самого кладбища. Это была очень трогательная сцена, которая характеризует искреннюю симпатию принца к людям, которые с ним работали.

Глава 11

В предыдущей главе я упомянула, что благодаря фрейлине принцессы Ольденбургской мадемуазель Шиповой познакомилась с движением Редстока в России.

В 1894 году (перед тем, как я начала жить с Ольденбургскими) мадемуазель Шипова сказала мне, что некая леди, последовательница Редстока, придет повидаться со мной.

Зная о чрезвычайно евангелистском направлении его учения, я ожидала, что его последователи – это простые в люди в таких же простых и скромных одеяниях. Каково же было мое изумление, когда с визитом ко мне явилась княгиня Ливен, одетая, как настоящая «гранд-дама» – воплощение моды и элегантности.

Сам лорд Редсток был представлен принцессе Ольденбургской ее бывшей фрейлиной мадемуазель Нелидовой (которая умерла не так давно), и они встретились в ее дворце. Принц Ольденбургский иногда подшучивал над своей женой, напоминая ей о роли в представлении лорда Редстока петербургскому обществу, учитывая то, что она сама никогда не колебалась в своей приверженности православию.

Когда я поселилась у Ольденбургских, лорд Редсток уже был достаточно известен, и мадемуазель Шипова взяла меня с собой на собрание его последователей, которое проходило в доме княгини Ливен. Эти собрания были запрещены, но тем не менее все же имели место.

Упомянутый уже мною генерал Оржевский (начальник Тайной полиции) однажды лично явился в дом княгини и передал пожелание императора Александра Третьего, чтобы такие встречи прекратились. На что княгиня Ливен ответила, что, выбирая между службой Богу и императору, она выбирает Бога.

Больше никаких шагов для запрета подобных собраний не предпринималось. Возможно, из-за того, что княгиня была в возрасте, и посчитали более мудрым просто оставить ее в покое.

В ночь с 8-го на 9 февраля (или 21 января по старому стилю) 1904 года стало известно о военных действиях со стороны Японии.

20 января в Эрмитаже состоялся вечер оперы, а наутро принцесса Ольденбургская сказала мне, что в этот день в Зимнем дворце император сделает официальное заявление о начале войны. Первый раз в русской истории война объявлялась из Петербурга, а не из древней русской столицы – Москвы.

Так получилось, что эту новость я получила в постели, где находилась из-за болезни. Но я встала и последовала за принцессой в Зимний дворец.

Назначение военного министра Куропаткина на должность главнокомандующего армией стало сюрпризом для всех, кто его знал. Рассказывали, что, когда император вызывал Куропаткина как военного министра, чтобы обсудить с ним имя будущего главнокомандующего, Куропаткин явился со списком генералов, которые, с его точки зрения, могли занять этот пост. Его собственное имя было написано в верхней строчке. И императору не оставалось ничего иного, как назначить главнокомандующим именно его.

Куропаткин был начальником штаба у знаменитого генерала Скобелева во время кампании в Центральной Азии, и только совсем немногим было известны резкие слова Скобелева о том, что способностей Куропаткина явно недостаточно, чтобы занять главенствующее место в какой бы то ни было кампании.

В глазах же широкой публики Куропаткин выглядел знающим свое дело генералом, и вся нация с одобрением восприняла его назначение на пост главнокомандующего.

На Пасху я находилась в Тифлисе. Там я узнала горькую новость об ужасной судьбе военного броненосца «Петропавловск», который был затоплен и на котором погиб адмирал Макаров³³.

После моего возвращения тем летом в Петергоф очень важное событие произошло в «Александрии». На свет появился долгожданный наследник российского престола.

Нам об этом объявила принцесса Ольденбургская, хотя мы все думали, что она отдыхает в своей комнате после ланча. Радостная новость была сообщена армии, и каждый солдат стал считаться крестным отцом наследника.

Пока продолжалась война, императрица участвовала во многих благотворительных обществах, целью которых была помощь больным и раненым. Граф Гендриков, шеф церемоний двора, рассказывал мне, с какими сочувствием и добротой императрица относилась к страждущим. Но иногда ее усилия, которые должны были приносить пользу, сводились на нет непорядочностью ее окружения.

Например, говорили, что собранные во время Снежного бала в Зимнем дворце средства и подарки для детей бедняков на самом деле достались слугам во дворце.

Принцесса Ольденбургская конечно же тоже принимала активное участие во множестве благотворительных акций, связанных с войной. Каждый четверг мы с ней приезжали в Петербург из Петергофа, чтобы проверить, что было сделано на различных складах.

По четвергам из Петербурга в Петергоф, чтобы встретиться с императором, ездил министр внутренних дел Плеве³⁴. Часто мы оказывались с ним попутчиками.

В один из четвергов, 10 августа 1904 года, начальник вокзала сказал принцу и принцессе Ольденбургским, что Плеве был убит бомбой возле Балтийского вокзала в Петербурге. Когда мы приехали на место, тело несчастного все еще лежало на тротуаре, покрытое полицейской шинелью.

Когда мы приблизились, шинель убрали, и мы смогли увидеть бедную жертву. Портфель с бумагами, которые он должен был передать императору, лежал рядом с телом.

Потом говорили, будто среди этих бумаг находился и неблагоприятный рапорт о деятельности премьер-министра Витте. И что Витте смог предотвратить попадание этого документа к императору при помощи Дурново, которого потом назначил на место Плеве.

В 1904 году принцесса Ольденбургская, принимавшая самое непосредственное участие в деятельности Красного Креста, отправилась на юг в Одессу, чтобы присутствовать при отправке на фронт корабля-госпиталя «Царица».

5 сентября 1905 года стало последним днем войны.

Так получилось, что как раз в тот момент освободился пост генерал-губернатора Кавказа, и ходили слухи, что он будет предложен генералу Куропаткину.

Услышав об этом, княгиня Мухранская, близкая подруга сына последнего наместника, телеграфировала в Петербург: «Voulons pas perdrix, voulons aigle» («Не хотим куропатку, хотим орла»). – Прим. перев.), обыграв фамилию Куропаткина.

Пост наместника был упразднен, и вместо него введена должность генерал-губернатора.

Весьма существенный факт, имевший отношение к русскому флоту, проявился на фоне последней войны. Оказалось, что великий князь Александр Михайлович (муж сестры императора великой княгини Ксении Александровны) посылал императору рапорт о чудовищном состоянии кораблей, предупреждая, что они станут легкой добычей при атаке вражеской силы.

---

³³ Броненосец «Петропавловск» подорвался на японской мине 31 марта 1904 года. Среди погибших в результате взрыва – общее число жертв составило почти 700 человек – был знаменитый художник В. Верещагин. Чудом удалось выжить великому князю Кириллу Владимировичу, который тоже находился на борту броненосца. После 1917 года именно великий князь Кирилл Владимирович провозгласит себя новым российским императором.

³⁴ Вячеслав Константинович Плеве занял пост министра внутренних дел России в 1902 году после убийства главы МВД Дмитрия Сипягина.

В то время его дядя, великий князь Алексей, был главой Адмиралтейства. Он и старшие члены императорской семьи предали смеху критику молодого члена их семьи и убедили императора не придавать значения рапорту.

Все это привело к катастрофе при Цусиме, которая могла бы быть предотвращена, если бы предостережения Александра Михайловича были вовремя услышаны³⁵.

---

³⁵ Великий князь Алексей Александрович, генерал-адмирал и председатель Адмиралтейств-совета, подал в отставку после катастрофы при Цусиме и 2 июня 1905 года был уволен императором со всех постов.

Глава 12

Катастрофа японской войны привела к большим социальным потрясениям в Российской империи.

9 января (22-го по старому стилю) 1905 года толпа рабочих под предводительством попа Гапона отправилась с лозунгами в Зимний дворец, чтобы лично передать свои жалобы императору. К сожалению, императору посоветовали не появляться перед толпой.

А та, несмотря на предупреждения не приближаться ко дворцу, продолжала идти, что привело к ужасному результату – войска открыли по рабочим огонь, было очень много жертв.

Всего за несколько мгновений до этого мы видели из окна дворца Ольденбургских марширующих рабочих, еще не подозревающих о том, что их ждет. Этот зловещий день вошел в историю, как Кровавое воскресенье.

Осенью того же года я оказалась в Граце, в австрийском Тироле. Узнав из газет о растущем числе забастовок и нехватке продуктов в России, которые вызывали большое беспокойство властей, я решила, что, возможно, мой долг – вернуться в Петербург и находиться рядом с принцами Ольденбургскими.

Я отправила им об этом телеграмму, на которую получила ответ: «Пережди до конца забастовки». Тогда же я получила письмо от принцессы Анхальт, которой тоже писала о своем желании вернуться в Россию.

«Pauvre Babo! – писала она. – Ты не сможешь сейчас отправиться в Россию ни по земле, ни по морю». Упоминание моря тут же дало мне идею, несмотря на замечание принцессы, вернуться в Россию на корабле.

Я немедленно отправилась в Баден, чтобы увидеть мать принцессы Анхальт, которая была сестрой принцессы Ольденбургской. Хотела спросить ее совета, должна ли я на самом деле постараться вернуться в Петербург.

Принцесса Баденская сказала мне, что ее сестра не собирается покидать Россию и если я хочу, то могу отправиться домой морем в сопровождении эскорта, вместе с русским министром в Карлсруэ, который совсем скоро отправлялся в путь. Это решило все, и я поехала вместе с ним.

Мы прибыли в Кронштадт в тот момент, когда он обстреливался революционерами. Я, правда, этого не заметила, так как спокойно спала.

Вместо того чтобы попробовать высажить пассажиров в Кронштадте, наш капитан направил судно в Петербург. Там я надеялась, что меня, как обычно, встретит карета и лакей в ливрее.

Карета была на месте. Но, к моему изумлению, вместо ливреи лакей был облачен в простое пальто и шапку. Как мне потом сказали, это было сделано как мера предосторожности от революционеров.

Я находила все происходящее в стране довольно мрачным. А ежевечерние рапорты, которые доставлялись во дворец Ольденбургских, ясно указывали, что оставаться в России было опасно.

В итоге через две недели после моего прибытия я снова была на корабле, правда, на сей раз в компании принца, принцессы и их секретаря.

Из-за шторма наше плавание затянулось, и запасы еды на борту подходили к концу. Принц тем не менее, казалось, получал удовольствие от качки. И вел себя словно школьник-проказник, в шутку спрашивая у жены, не хочет ли она получить от него в подарок яхту.

Мне удавалось оставаться более-менее в форме благодаря белому вину и сигаретам, которые я никогда до этого не употребляла.

Когда мы прибыли в Сеттин, то обнаружили там принцессу Баденскую, которая очень волновалась за нас. Оказалось, что в газетах написали, будто наш ко-рабль пошел ко дну.

30 октября императорским манифестом было объявлено о созыве Первой Думы. Это событие широко обсуждалось.

11 мая 1906 года, когда мы только собирались выехать из Граца в Россию, меня посетило дурное предчувствие. И точно, прибыв 13 мая в Петербург, из газет я узнала о смерти моей племянницы, которая была женой моего нынешнего мужа.

Я напрямиком направилась на похороны, где конечно же меня никто не ждал, так как о моем прибытии в Петербург было неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.